

Михайличенко Николай Филиппович

На хуторе Пенчул. Историко-документальный рассказ. М., 2017. - 37с.

Текст публикуется в авторской редакции

На хуторе Пенчул

*Сокровенною тайной
с тобой поделюсь
В двух словах изолью
Свою нежность и грусть
Я во прахе с любовью
К тебе растворюсь
Из земли я с любовью
к тебе поднимусь*
Омар Хаям

Пастух овец¹

Над утренней степью поднималось яркое июльское солнце. В воздухе, подгоняемом лёгким тёплым ветерком, стоял острый запах полыни, местами смешанный с чуть ощутимым ароматом от островков редких полевых цветов. Вдали у самого горизонта в надвигавшемся знойном дне, едва колыхалось облачко серой пыли, оно постепенно перемещалось, скрывая под собою отару овец.

Приблизившись поближе, мы увидели одинокого пастуха, сопровождаемого заунывным глухим звоном колокольчика в небольшой отаре овец, неподвижно стоявшего как изваяние, опершись на кривую суковатую палку из акации. Его одежда мало походила на традиционную сельскую одежду крестьян домашнего изготовления. Но и обозначить её более точно было невозможно. На нём болталась куча

1

¹ Уже в XXI веке, на землях бывшего военного Тарутинского полигона, 6 июня 2006 года, появился этнографический комплекс «Фрумушика Нова», расположенный на территории Тарутинского района Одесской области, Украины. Под открытым небом возродили типичные подворья XVIII-XIX вв. всех национальностей проживающих в крае. Произошло это благодаря усилиям Александра Палариева, создавшего крупнейший в Европе овцеводческий комплекс по разведению овец каракульской породы. При въезде в комплекс по проекту молдавского скульптора Григория Султан, установлена самая высокая статуя чабана в мире. Изготовлена она из гранита высотой 18, 97 м.

бесформенного лохмотья, которую он носил в любое время года. Этот покров от дождя, ветра и зноя, пропитанный степным ароматом высохшей травы, колыхался под лёгким степным ветерком, ожидая непогоду. Рядом с ним словно сфинксы застыли две огромные черные собаки. Казалось, он увлеченно слушает степную музыку, доносимую чудесным эхом из неведомой дали его мечтаний.

Из принадлежностей, с которыми он не расставался никогда, при нём были: гирлыга - длинная палка с крючком на конце, для захвата овец за ноги, гайтан - пояс с висячим карманом, щипчиками для вынимания у больных овец червей, рогом (для дегтя и синего камня, которым присыпаются раны овец) и ножом.

Бескрайняя степная гладь, или Буджак, была заселена некогда ногайцами, разделившимися на орды и прославившимися своими набегами на соседние страны. В XVIII столетии ногайская орда оставила Буджак, и место её заняли колонисты. Одним из главных занятий народностей заселившихся на этой земле, стало овцеводство. Невозможно представить себе Буджакскую степь без пастуха и овец, где уже середина XIX века считалась периодом расцвета овцеводства.

Следует пояснить, уважаемому читателю, что чабан – так называется пастух овец в Южной Бессарабии.

Словарь чабанских слов, румынского и турецкого происхождения; это объясняется тем, что в старое время чабаны были большей частью из румын.

Примечательно, что и фамилии, которые весьма распространены в Ташлыке и по всей Южной Бессарабии «Чабан» и «Чебан» имеют прямое значение к потомкам занятым овцеводством.

Началось развитие этого древнейшего вида деятельности человека зародившегося более 10 000 лет назад в Средней Азии, как только люди узнали, что овцы могут производить два главных продукта - еду и одежду.

Овцеводство известно с библейских времён. В Ветхом Завете мы читаем, что глава рода Авраам был богатым человеком благодаря своим огромным отарам овец. В Библии очень много примеров процветания родов содержащих тучные отары овец. Сын Адама Авель, как известно, был, «владелец овец». Средний Восток, где овцеводство было жизненно важной отраслью, породил значительное количество аллегорий связанных с этими животными. Широко известен смысл таких выражений, как: «Агнец», «Заблудший ягнёнок», «Бог - мой пастырь» и др. С этих времён образ ягнёнка отождествлялся с нежным образом младенца. Самым чистым жертвенным животным считается ягнёнок. Писатели, поэты, художники до сих пор широко используют символизм животных, таких как: «Бедная овечка», «Козёл отпущения» и другие.

В Книге Книг, где сконцентрирована мудрость и интеллект сотен поколений, образ «агнца» изливается на каждого человека, независимо от его образования и социального положения. Наш пастух никогда не держал в руках Библию, но несколько раз он слушал проповеди батюшки в церкви, где тот говорил, что Агнец – основной образ Христа. Правда, далеко не всё понятно в словах священника. Называют его ещё, почему то: «Агнцем закланным от создания мира». (Откр.13:8).

Наш герой, будучи подростком, часто наблюдал, как маленький ягнёнок отставал от отары и вот, вот падёт на обочине. И только оказавшись на плечах пастуха, ягнёнок переставал испуганно блять. Умудренные жизнью старые пастухи

преподавали уроки сопереживания и сочувствия раньше, чем были усвоены уроки чабана, о том, как пасти овец.

Со стародавних времён жизнь пастуха убога и всеми презираема. Её можно было бы сравнить с жизнью отшельника, бродяги, если бы не целый ворох обязанностей. Старый пастух Фёдор, который обучал пастьбе, однажды перед Пасхой рассказывал, что именно пастухам явились ангелы, чтобы рассказать о рождении Христа, и именно пастухи первыми пришли поклониться Иисусу.

Описываемый нами молодой человек был одним из потомков первых переселенцев успевшим полюбить эту иссушенную жаждой землю.

Его нынешнее положение было вынужденным, и он не копался в себе пытаясь выяснить причины своего одиночества. Оно гармонично ассоциировалось с покоем, с полной свободой и отсутствием суеты повседневными заботами, всему тому, что тщетно, ничтожно, не включает в себе истинной ценности. И он, словно мудрый философ, имевший возможность слушать и понимать эти звуки: шум ветра, мерный звон колокольчика, любоваться неповторимой красотой и самобытностью природы, привычно воздерживаясь открыто выразить своё восхищение перед всем этим степным великолепием, - в этот миг казался её единственным человеческим представителем.

Вынужденная отдалённость от людей предотвратила угрозу стать жертвой порока взрослых, отягощенный изоляцией он оказался под защитой, которая обеспечивала ему до поры до времени, «стерильную нравственность», т.е. избежать редкой участи не быть подверженным пагубным страстям присущим отдельным молодым людям. Он не был избалован лакомыми яствами, не был изнежен ленью, ему неведомы были праздность и излишества. Словом, его моральные ценности и нормы были естественны и воспитаны на аскетическом ограничении жизни.

Одиночество располагает к размышлению. А мысли эти, почему-то, всегда извечно одни и те же. «Зачем человек живёт?», «Почему люди умирают?», «Есть ли душа?». А по мере взросления количество вопросов только возрастало. К примеру: «Существует ли истина?». Он и не задавал вслух никому эти вопросы, так как, боялся стать объектом, для язвительных насмешек, «упасть в грязь лицом» перед другими. Природа наделяет умом человека по своему усмотрению. Чего уж тут жаловаться. А человек находящийся во власти нездорового ума, делает то, чего делать нельзя. Наверняка, некоторые образованные люди, бьются как рыба об лёд, пытаясь найти ответы на эти вопросы, но пока разум человека бессилён в познании мира. Эти, на взгляд, молодого человека бесплодные мысли, тайно зажигали светильники его души, чтобы чернота её рассеялась. На душе становилось легко, радостно, грудь взволнованно вздымалась, наполненная необъяснимой радостью и готовностью к самопожертвованию.

Как правило, селянину с утра и до ночи занятому своим хозяйством, такие мысли не приходят в голову, ему недосуг. Это вроде баловства, возникшего исключительно из-за безделья. Периодически, наш герой впадал в состояние глубокой задумчивости, как только отара останавливалась, и наступало послеобеденное время. Овцы искали тенистого местечка пряча головы возле каждого кустика, где тень была погуще. Это было время мыслей навеванных откуда-то сверху, потому, как назвать их земными или полезными для дела, невозможно. Отсутствие образования делало

нашего пастуха абсолютно свободным от догм и оценок, в ошеломляющем хаосе восприятия окружающего мира.

У него было заготовлено уже готовое мнение, практически по любому вопросу пастушьей профессии. Оно было обычным, так как, повторяло авторитетное мнение старших. Стоит ли и дальше соглашаться с ними, если червь сомнения не даёт покоя? К тому же далеко не каждый деревенский старожил – источник каких-либо высоких идей, знаний и образец для подражания. Сложно представить себе, как могут в личной жизни осуществляться мысли других людей. Чужие мысли, поселившиеся в такой здоровой голове, как его, ведут себя как паразиты и отнимают не только время и силы, но и заражают сомнением. Но кто и когда заразил его самого готовностью во всём сомневаться? Список вопросов к самому себе всё увеличивался.

Ему пришлось прервать поток «вредных мыслей» и вернуться на грешную землю: неожиданно залаяли встревоженные собаки охраняющие отару.

Из-за поворота дороги показалась арба запряженная парой старых волов с длинными рогами. Арба была загружена до самого верха зелёными кукурузными стеблями. Правил волами седой молдаванин, кое-как уместившись внизу на перекладинах старой арбы. Медленно, со скрипом двигалась арба по знойной, пыльной дороге, всё удаляясь и удаляясь, пока не скрылась вдаль.

Почерневшее от постоянного пребывания на солнце и ветру лицо пастуха, казалось, ничего не выражало. Невозмутимость и благостное равнодушие ко всему окружающему было его искусственной маской для внешнего мира не отражавшей и слабой тени его внутреннего состояния. Жизнь чабана сиротливая и тяжелая, всегда в степи, на солнцепеке или зимой в хижине при бдительном надзоре за овцами, чтобы они не заболели, не подверглись нападению диких зверей. Всегда вдаль от села и людей в одиночестве, скрашенном окриком собак, овец и коз.

Живя круглое лето в чистом поле; в зной и непогоду под открытым небом; ночуя в примитивном шалаше; деля свое одиночество с собаками и отарой, такой замкнутый образ жизни, контрастировал с заботами обычных селян. На всём этом пространстве у него не было ни родных, ни друзей. Для многих остаётся тайной, бывал ли он в гостях у кого-то из селян.

Ежедневно уходя от загона, который находился на краю казённого села, на расстоянии 10-15 километров, неспешно уводимый отарой, он свыкся со своим одиночеством. Его отдалённость от людей и затворничество, имели простую житейскую причину, - он был круглым сиротой.

Устроенный селянами, таким образом, он исправно пас общественную отару за ежедневное пропитание, и символические деньги, выделяемые в конце года, когда некоторые хозяева забирали своих овец в личное подворье на зиму. Одновременно, в глазах сочувствующих ему людей, он олицетворял образ изгоя, этакого жупела, которым вечно пугали нерадивых детей его судьбой. Он был просто: «чабан». Никто не знал его настоящего имени и фамилии, кроме него самого и того, кто дал ему это имя. Но что-то было такое притягательное и романтическое в этом степном, одиноком образе, неразрывно связанном с жизнью народа.

Имея доброе сердце, душевную чистоту, он в каждом своем поступке проявлял высокую нравственность и честность, данную самой матерью Природой. И пока эта непорочность направляла и руководила им, можно предположить, что в

действительности, невероятная душевная красота скрывалась под ровным благостным безразличием, которая не нуждается во внешнем проявлении и скрыта в глубине.

Истари так повелось, что в этой местности: предания, поверья, песни и мифы, чабанство - было одним из источников духовного выражения крестьян пронизанные душевной теплотой и искренностью чувства.

Ташлык

*Нет ничего выше вдохновения
Наполненного мыслями о родине
Нет ничего более сокровенного,
Чем любовь к отчему дому*
(Автор)

Село находилось в каменистой долине, по дну которой протекала речушка - Ташлык, разделявшая селение на две равные половины, и далеко за селом уходила вдаль легкой зеленой зыбью из молодого камыша, очерчивая его речную часть разноликими волнами. Местами глубокое иссушенное дно оврага, словно шрам на теле Буджакской степи, рельефно распласталось до самого Дуная. Его естественная протяженность и глубина, наводила на мысль о засохшем русле некогда протекавшей полноводной древней реке.

За селом кругом была степь. Степь безмолвная, но живая, дышащая лёгким полынным ветерком. Степь, наделённая щедрой южной природой, вширь и вдаль простиралась до самого горизонта.

В этих местах, некогда поднимая черноземную пыль, с гулким топотом копыт проносились печенегские племена, оставляя зыбкий след в веках истории. Степь, которую в древности старались быстрее проехать от Днестра к Дунаю и Черному морю. Во времена Траяна² по этим местам проходили базировавшиеся в Тире (город Аккерман на Днестре) отряды центурионов V Македонского и I Итальянского легионов. Эти места упоминает великий греческий историк античности - Геродот.³

В начале XIX века - Ташлык, село Бессарабской губернии Аккерманского уезда, в 100 верстах на Запад от уездного города, при речке Ташлык. Исторические

2

² Траян - римский император, родился, вероятно, в 53 г. по Р. Х. в Италике. Траян расширил сеть дорог римской империи, строил гавани, осушал Понтийские болота, основывал колонии. Современники свидетельствуют о его вдумчивости, справедливости и большой заботливости о благосостоянии провинций. Его мирная деятельность впервые была прервана обеими дакийскими войнами 101—102 г. и 105—106 г., в которых дакийский царь Децебал был совершенно побежден, и Дакия обращена в римскую провинцию. С именем этого императора, связаны большинство географических мест в Измаильском уезде, в том числе известный всей Бессарабии - Траянов вал.

3

³ Геродот (Hρόδοτος), для нас Геродот - ближайший и поучительнейший из древних историков. Он посетил некоторые местности нашего юга, дал первые связные сведения, как о самой стране, так и о тогдашних ее обитателях: скифах, сарматах, неврах и др. Места скифских поселений, описанные Геродотом, усеяны курганами, раскопки которых обнаруживают культуру, близкую по времени и по характеру к той, о которой говорит греческий историк в своем описании Скифии.

источники отмечают дату основания селения –1811 годом, когда Российская империя активно стала заселять эти земли иностранными колонистами.

Две национальности проживали в Ташлыке, - молдаване и украинцы, которые расселились в разных частях села. Были ли они украинцами или русскими, ни кто не знает, так как разговаривали они на языке состоящем из смеси русских и украинских слов. На правой стороне села жили «русские», а на левой молдаване. Жители села, как правило, знали оба языка и общались без всяких затруднений, иногда разговаривая на обоих языках одновременно. Следует отметить, что языковое многоцветье очень распространено в нашей местности. В округе проживали болгары, гагаузы,⁴ немецкие колонисты, а также русские. Разноплеменные сёла в округе создавали особый национальный климат, позволявший не только уживаться с разными народами, но и активно сотрудничать, впитывая в свой быт различные особенности их культуры. Это языковое разноцветье позволяло общаться на диалекте, состоящем из слов народов населяющих этот край.

Ташлык - слово татарское, означает камень; так называется мера длины в Средней Азии, заменившая персидскую парасангу (фарсаг) и равняющаяся восьми верстам. Такое название эта «миля» получила потому, что она отмечалась большими камнями, которые ставились на дороге и в некоторых местах уцелели и до конца XIX века.

Еще в начале XIX века по всей округе в удобных урочищах были расположены аулы.

Два небольших аула «Ашаа-Ташлык» и «Диокарды-Ташлык», располагались в обеих оконечностях современного села Каменское. Впоследствии, после изгнания ногайцев в Крым, село наследовало название - Ташлык. Были ли еще, неизвестные нынешним историкам и краеведам подобные мелкие аулы? Несомненно, были. В поймах многочисленных рек и речушек в Буджке, на местах человеческих поселений, археологами обнаружены следы или остатки деятельности человека.

Никаких письменных свидетельств о совместном проживании турок и переселенцев Ташлыка не сохранилось. Поначалу, турецкое владычество не было чрезмерно тяжело для христиан. Но это было во времена далекие (в XVII веке) первых турецких султанов. Местным жителям была предоставлена свобода во внутреннем управлении, на основе их обычного права: они могли заниматься торговлей, промыслами, земледелием и скотоводством.

Но постепенно турецкое владычество стало терять свое могущество, а с ним стало замечаться и падение нравов среди османов. В управлении все более ощущался дикий произвол; и положение христианского населения делалось все более бесправным и они стали испытывать всякие притеснения и несправедливости со стороны турок. Подати и налоги увеличились, администрация и суд сделались продажными, всюду стал царить иноземный произвол. Много претерпел край от этого владычества! Следы его остались повсюду: в языке, в топонимах, строительстве, в обычаях и быту.

⁴ Гагаузы - отуреченные болгары; их немало в Измаильском уезде Бессарабской губернии. Они православные, но в дни храмовых праздников совершают курбаны - род языческих жертвоприношений.

Они заселились здесь в соответствии со своими обычаями и укладом жизни. Переход кочевников на оседлость, прежде всего, связан с наделением их землёй, т.е. с аграрной политикой Оттоманской порты. Привыкшие к кочевому образу жизни ногайцы противились политике порты, направленной на поселение. Некоторых из них осесть и заняться земледелием, заставила бедность.

Традиционное жильё ногайцев - юрта и глинобитные дома. По свидетельствам путешественников описывающих быт и жилища этого народа, ташлыкские ногайцы решившие жить оседло строили полуземлянки и саманные дома с пологой двускатной крышей. Благо глины в округе достаточно. Кстати, такие «бордеи» сохранились до настоящего времени. Дом внутри имел кухню-сени и небольшую спальню. Если семья увеличивалась, к этому же дому пристраивали новые комнаты. Ташлык был характерным для ногайцев типом поселения - кочевым аулом.

Несмотря на то, что традиционным занятием ногайцев считается кочевое и отгонное скотоводство: овцы, козы, крупный рогатый скот, кони, верблюды. Ногайцы много времени уделяли земледелию (просо, овёс, пшеница), огородничеству, выращивая бахчевые культуры. Письменные источники свидетельствуют, об остатках прекрасных садов в окрестностях Аккермана, некогда разведённых турками. До начала развития колхозного строя было предостаточно следов садовых деревьев украшавших сельские виды. К сожалению, нынешний природный ландшафт, не может свидетельствовать, что искусство разведения садов приобретает, как и в прошлые времена (ну, хотя бы, времена СССР), светский характер.

Наверное, с тех давних ногайских времен, традиционное разведение домашней птицы (кур, гусей, уток), символизируют плодородие, и изобилие в доме по сей день.

Судить о количестве ногайского населения в двух аулах можно лишь опираясь на косвенные источники. Приблизительно в одном ауле проживало не более 500 человек, к этому следует добавить, что местные, люмпенизированные селяне обрабатывали значительную часть земли турок, которой они владели в существенном достатке.

История края - это эпоха, которая вместила в себя и голод, и страшные эпидемии, и нищету. Она была не только ступенью перехода к новой эпохе, но и оставила в нашем распоряжении различные исторические источники. А они свидетельствуют, что после взятия бессарабских крепостей Килии и Четатя Албэ (Белгород, названный турками в 1484 году – Аккерман) османы продолжили захват этих территорий, включая и румынские в XIX веке. Население, проживающее между Прутом и Днестром в значительной степени страдало от турок и татар захвативших эту территорию. Христиане, проживающие в округах (нахиях), управляемых турками, были вынуждены платить налоги, превышающие по объемам налоги, которые платили мусульмане. Помимо десятины и барщины платили еще и подушную подать.⁵

До начала XIX века Буджакский край вместе с самыми крупными его городами Четатя Албэ, Килия и Измаил (цинуты) находились под прямой юрисдикцией Османской империи.

Вся предыдущая и недавняя история села связана с разработкой камня-ракушечника. Следы добычи камня в селе и за селом, были везде. Эти, ни с чем не

⁵ В Бессарабии по присоединении ее к России, была оставлена турецкая система податей.

сравнимые, рукотворные холмы, заросшие полынью, были на всем пространстве, не занятом домами. Эта удивительная картина, прекрасно подчеркивала разбросанные контуры небольших домов, на ландшафте искусственно созданном каменотесами. Это холмистое раздолье с оставленными глубокими следами скальных разработок представляло для детей целую планету, по которой можно было странствовать, открывая для себя горизонты мифических стран. Обнаженные скалистые породы, демонстрируя свои разноцветные слои в глубину земли, образовывали неожиданные пропасти, глубиной до 20-ти метров. Это достойная демонстрация неистощимого трудолюбия предков, которые нехитрыми подручными средствами, упорно долбили наскальный грунт, для добычи камня.

Следы старых и очень старых разработок были повсюду, даже на некоторых огородах. Селяне весьма неохотно осваивали пространство, искореженное каменотёсами. Одной из причин была загромождённость участка, через который проехать было невозможно. Это выстраивало особую «архитектуру» села – дома строились на ровном месте, где было меньше камней, а почва была черноземной. Основанием для долгого сохранения этих разработок было первоначальное строительство домов в самой низине. По прошествии десятков лет, по сути, это и сформировало план села, которое росло в длину. Верхние окраины были, как правило, каменистыми и заселялись не очень зажиточными людьми. Когда строительство домов подошло вплотную к искусственным карьерам, жители стали засыпать эти глубокие ямы бытовым мусором.

Переселенцы строили свои дома и обживались на месте ногайских селений, где уже ранее велись разработки камня. Достоверно неизвестно, кто начинал эти разработки. Ко времени начала массового заселения края колонистами, ногайские татары, которые вели оседлый образ жизни на этом месте, не менее 40 лет, вполне возможно, занимались разработкой камня. Из архивных источников известно, что «турки каменную ломку часто производили порохом».

В конце XVIII века в описываемой местности широко привлекались подрядчики - строители, которые обязывались заготовить камень и глину. О разработке камня свидетельствует Топографическое описание, доставшееся по мирному трактату от Оттоманской порты во владение Российской империи в 1774 году.

Это положило начало тому, что сельские жители на протяжении более 150 лет занимались добычей и извозом камня, песка и глины, служащих материалом для строительства в близлежащих селах и городах. Добыча камня, судя по остаткам разработок, часто велась хищническим образом, без соблюдения каких-либо правил горных работ, так как производилась она либо одиночками, либо небольшими артелями по 3-5 человек, нанимаемых подрядчиками. Работы поначалу производились без государственного на то соизволения. Хаотичные и неконтролируемые разработки не имели, да и не могли иметь, никаких карт и схем. По прошествии многих лет, все это привело к полному исчезновению и частичной засыпке сети подземных галерей, существование которых, было не нужно, ни властям, ни хозяевам каменоломен. Объясняется это еще и тем обстоятельством, что разработки за редким исключением велись с ведома властей, которые должны были давать разрешение на добычу камня и взимании платы за каждый кубический сажень. До наших дней в селе сохранились несколько пещер, остальные – засыпаны обвалами.

Наиболее стремительным был XX век. Он прошел десятичными шагами, заглушив утренний петушиный крик, круглосуточным ревом экскаваторов, в конце концов, закрыл навсегда эти разработки, исчерпав природные ресурсы.

Многое изменилось с тех пор. И ничего не изменилось. Мир по-прежнему вертится. Люди рождались, жили, любили, радовались жизни, уходили на войну, пропадали без вести в неведомых краях, старились и обретали вечный покой в этой земле.

И история творилась ежедневно. За всё время существования села было множество разных людей, живших в трудах и заботах о хлебе насущном. В годы военного лихолетья многие селяне ушли воевать на фронт и сложили свои головы, защищая Отечество, как в Первую мировую войну, так и во Второй. В их честь в центре села установлены монументы. Для грядущих поколений они служат славным примером истинного мужества и отваги, крепости духа.

Гордостью селян составлявшую архитектурную достопримечательность, были три каменных арочных моста через речку. Эти виадуки были построены из огромных вытесанных вручную камней ракушечника, а ограждением служили тесанные балясины из камня. Строительство этих мостов, ставило целью практическую сторону, необходимую людям для их жизни и деятельности, когда река была полноводной и даже грозной, весной. Несомненно, что по прошествии десятков лет, эти возможности предков отразились кроме технических потенциалов и эстетические воззрения старого времени.

На возвышенности стояла каменная церковь во имя Архангела Михаила. Основана она была в 1878 году на средства собранные жителями селения. Старожилы утверждают, что сохранившаяся церковь – вторая. Ворота церкви вели к другим воротам, на кладбище. Церковь в разные времена претерпела всякое, и разгром и запустение и запрет совершать службу. Только неотделимая его часть - местный пантеон всегда подчёркивал бренность жития, и грешники и раскаявшиеся не препятствовали церкви быть святой.

В селе было женское 2-классное училище. Оно располагалось рядом с церковью на правом высоком склоне села и состояло из двух одноэтажных зданий стоящих напротив. Двор школы,⁶ огороженный массивным каменным забором, хранил в себе первозданную радость детских возгласов уже познающих этот мир по грамоте. Селяне первоначально относились к школе не совсем дружелюбно, если не сказать более, что даже враждебно. Грамота отделяла детей от родителей не только отнятым временем, которое должно было служить им в помощь по хозяйству, но и гранью, за которой открывался неведомый, непонятный и бесконечный мир образованности. Для Ташлыка наступили времена обязательного обучения детей, однако, не все дети посещали школу из-за убеждения некоторых селян в ненужности и напрасности грамоты.

Школа - как первый рассадник знания и полезных навыков в Ташлыке, несомненно, являлась необходимой ступенью в развитии, как отдельного человека, так и целого тогдашнего общества.

6

⁶ Слово - школа, как в русском, так и во многих европейских языках, носит следы греческого происхождения σχολή - ?суг, свобода от физических занятий, откуда латинское schola.

Ташлыкское училище преследовало исключительно общеобразовательные цели, где обязательно преподавали Закон Божий (для детей православного вероисповедания), русский язык с чистописанием, арифметика, история, география и естествоведение, церковное пение и черчение (в двухклассных училищах).

Кроме этих предметов, в училища, по мере средств, вводятся еще гимнастика, ремесла для мальчиков, рукоделия для девочек, а также садоводство, огородничество и пчеловодство.

Единственная торговая лавка обеспечивала потребности селян. Для того времени они были минимальны. Товары повседневного потребления имелись в весьма ограниченном ассортименте. В ней продавались товары самой первой необходимости: керосин, свечи, мыло, соль, спички и другое.

При Александре I торговое дело в крае развивалось весьма успешно, благодаря географическому положению Южной Бессарабии расположенной вблизи Черного моря. Также оживлению торговли способствовала плодотворная деятельность наместника Бессарабии генерала И.Н.Инзова.

Важное значение для хозяйственной жизни села, имели базары, куда из окрестных сёл свозились бесчисленные товары, произведенные селянами.

На хуторе Пенчул

*...Мудрость жизни всегда глубже
и обширнее мудрости людей.*

Максим Горький

Давид жил на хуторе отдаленном от села в полудневном пешем переходе. Это был плотный брюнет, круглолицый, с густой седеющей шевелюрой на голове, 49-ти лет от роду.

По рассказам местных старожилов своё название хутор получил от фамилии помещика - Пенчул.⁷

По преданию, когда-то хутор принадлежал крепкому хозяину, который имел батраков в достаточном количестве. Хутор достался Давиду от деда, который уже хозяйничал здесь единолично.

7

⁷ Поиски биографических данных этого человека в российских архивах и библиотеках, к сожалению, не привели к результатам. Возможности посещать и работать в местных архивах, у автора ограничены. Местные историки не исследуют этот вопрос, из-за узости тематики. С малой долей вероятности, можно предположить, что известный в России - Михаил Фёдорович Пенчул (1831-1909), был родственником нашего помещика. С 1896 по 1898 гг.- первый городской голова г. Новороссийска. Построенное им здание винодельни на винзаводе «Мысхако» сохранилось до наших дней. Каких-либо документальных материалов о помещике Пенчул в Аккерманском районе, мы не обнаружили. В дошедших до наших дней, немногочисленных статьях опубликованных доктором М.Ф. Пенчул нет никаких сведений о том, что у него был участок в Аккерманском уезде или в Бессарабской губернии. Мы можем высказывать лишь догадки и различные предположения на этот счёт, документальных свидетельств на сегодня не найдено.

Хутор дед приобрёл, когда хозяйство пришло в упадок. То ли из-за возраста хозяина, то ли из-за общего экономического положения в стране, дела на хуторе стали совсем убыточными. Хутор навсегда потерял первоначальное значение, которое он имел. Отныне это стало смешанным хозяйством, успех которого зависел только от невероятных усилий труда его обитателей. За хутором на долгие годы после его продажи сохранилось прежнее название по имени хозяина. Но постепенно в народной памяти стали стираться те немногочисленные подробности о помещичьей семье, которые могли быть им доступны. Как известно, жизнь богатого человека и жизнь бедняка, отличаются, в том числе и информированностью друг о друге, не говоря уже о том, что личная жизнь богачей тщательно скрывается от посторонних глаз.

Мелкое хозяйство прибыльно, пока в достаточном количестве превалирует бесплатная рабочая сила, которая, собственно говоря, и приносит доход, или прибавочный продукт. Как только количество бесплатной рабочей силы сокращается, и её надо нанимать и платить, расходы увеличиваются, а урожая хватает лишь на покрытие самых необходимых расходов. Семья Давида, даже по местным меркам считалась небольшой, что уж говорить о том, чтобы хватало собственных рабочих рук для занятия огородничеством, садоводством и выпасом овец.

Поэтому, судьба хутора после его покупки, была обречена на постепенный хозяйственный упадок. Как-то дед многозначительно обмолвился, что судьба этого хутора предрешена и настанет время, когда он войдёт в неразгаданную историю исчезновения хуторов, которые оказались заброшенными, а со временем и вообще исчезнут с территории края.

Хутор находился как раз посередине между двух сел: болгарским - Виноградовка, и казённым, - Ташлык. Он состоял из большого каменного дома, выстроенного из местного камня-ракушечника и длинного ряда саманных хозяйственных построек, выложенных из красной местной глины перемешанной с соломой. Крыши данных построек также были глиняными. Эти крыши своими формами и технологией сильно смахивали на центрально-азиатские кишлаки. Строили быстро и используя исключительно местные материалы. Это частично решало проблему нехватки леса для строительства жилищ. На перекрытие из бревен и камыша намазывалась глина с соломой. Ранней весной при подъезде к хутору крыши «одевались» в зелёный наряд - трава ещё молодая в начале апреля, к осени исчезала в зарослях довольно высокого бурьяна.

Жизнь на хуторе протекала тихо и размеренно, в постоянных ежедневных трудах о хлебе насущном, которого едва хватало прокормить себя и своих детей. Хлебом называли мамалыгу из кукурузной муки, которую варили ежедневно, в качестве основного продукта питания для всей семьи. Настоящий хлеб, также чаще выпекали из кукурузной муки, а по большим праздникам пекли из пшеничной муки, иногда добавляя чуть и кукурузной - для большего достатка.

Работа проходила в основном в поле. Прополка кукурузы и виноградника. В поле уходили и взрослые, и дети, каждый, выполняя посильную работу с раннего утра до позднего вечера, - весь световой день, и так целое лето, которое в этом краю была самой благодатной порой. Поистине райское место. Чего здесь только не росло: виноград и арбузы, огурцы и помидоры, перец, баклажаны и множество других овощей.

Редкие деревья были колючей акацией не пригодной для столярных работ. Грецкие орехи - деревья огромные выросшие прямо посреди виноградника, иногда попадалась и кислая вишня. В огромном дворе роскошными исполинами полукругом выстроились черная и белая шелковица, сладкая как мёд и так любимая птицами.

Особняком целыми островками оазисов там, где была вода, росли маслины и дикий абрикос, за которым никто никогда не ухаживал, и очень редко собирали урожай. Маслинами баловались только дети, взрослые же никогда не собирали этот плод, по-видимому, не зная, как его использовать.

Семья Давида, состояла из десяти человек: старой бабушки, не помнящей, сколько ей лет и ежегодно утверждавшей, что ей давно сто, деда Архипа - отца жены, четверых детей: внука и внучки, а также молодого зятя.

Достоянием хутора было небольшое пресноводное озеро, в котором водились даже небольшие караси. На озере почти никогда не ловили рыбу, из-за убеждения хозяина, что это баловство и требует значительного сидения на берегу, а это удел лентяев, когда в поле работы невпроворот.

Но самое главное, - на хуторе был колодец с питьевой водой. Огромный журавль с почерневшим от времени бревном, на конце которого, - в качестве противовеса, - был железным обручем прикреплен большой камень: вместо цепи, свисала длинная, деревянная палка, завершающаяся большим, местами уже покрытым зеленой плесенью, деревянным стянутым двумя большими железными обручами ведром. Стрела журавля, устремленная в небо, служила прекрасным ориентиром, для путника, ехавшего в сторону хутора. Никто не помнил, когда и кто его выкопал. Жизнь без воды в этом знойном краю была немислимой. Люди всегда селились там, где была вода.

Жизнь на хуторе отдалённом от села протекала по давно установившемуся порядку, - утром накормить скотину и домашнюю птицу, - остальное время летом все уходило в поле. Собирались только поздно вечером за общим столом, и немудреным ужином, состоящим всё из той же кукурузной мамалыги с молоком, овечьим сыром или жареным перцем, когда был сезон. Ужинали обычно на улице при отблеске пламени от глиняной плиты, в которой горела солома.

Лето сторало, и вслед за ним приходила золотая осень. По утрам становилось довольно прохладно, местами стелился редкий туман, а пожелтевшая трава обильно покрывалась крупными каплями росы.

Осень - благодатное время. Время сбора урожая и подготовки к зиме. В иные годы октябрь стоял дождливый. В такие дни моросил мелкий дождик. Пронизывающий октябрьский дождь мешал сбору кукурузы. Но убирать её всё равно надо было в любую погоду. Мужики, промокшие до костей, возвращались домой с резки кукурузы, женщины сновали вокруг повозки, мешая бестолковыми советами; малыши путались у них под ногами, а они шлёпали их и гнали с визгливым криком в дом. Скользя босыми ногами по липкой черной грязи, жены помогали мужьям разгружать початки. Платки их сползали на затылок, и женщины, раскрасневшиеся от быстрой работы, так и сыпали словами смешанными иногда с бранью. Кукуруза уродилась славная, но теперь из-за дождя, большая часть её могла пропасть.

Зимой женщины пряли и ткали, долгими темными вечерами сгрудившись вокруг лучины, скрашивая время мелодичными народными песнями, воспоминаниями и легендами об этом крае, где смешивались сказки и были, в зависимости от фантазии

рассказчика. Дети обычно сидели на печи и лузгали семечки, слушая, затаив дыхание, рассказы и случаи из жизни взрослых. Мужчины вечерами чинили обувь, или вязали веники из проса, в основном на продажу. Когда заканчивался сбор урожая ездили на базар в Ташлык. Базар был известен на всю округу своими размерами и товарами, где продавалось всё, от домашней утвари, до коров и лошадей.

Отражение солнца на глади озера

*Волшебные истории – это больше, чем правда:
не потому, что они лгут, будто драконы
существуют, а потому, что они утверждают,
что дракона можно победить*

Гильберт Честертон

Человек, стоящий на берегу небольшого озера, видит в гладкой поверхности воды изображение солнца. Ныне это единственный свидетель некогда существовавшего здесь мусульманского кладбища и хутора Пенчул. Иногда эмоциональное единство природы и человека выражается не открыто, а иносказательно, становясь своеобразным символом человеческой жизни. Когда мы обращаем взгляд к ходу Солнца, когда смотрим на движение облаков, воспринимаем в ветре движение воздуха, то мы уже подвержены божественно-духовному действию материальной природы.

До недавнего времени здесь росли грушевые деревья - живые свидетели хозяйственного расцвета хутора. Но и деревья со временем высохли, люди перестают заботиться о них и они погибают. Наконец, некоторые плодовые деревья, как и люди, просто не чувствуют себя хорошо в безлюдных местах. Пожалуй, теперь ветер остался единственным хозяином в этих местах.

Уже давно, место, где некогда по рассказам старожиллов располагался хутор Пенчул, затоплено водой. Теперь здесь небольшое озеро перекрытое дамбой. Затоплено это место было в 1962-1975 гг., при строительстве Днестровско - Дунайской оросительной системы. Оно скрывается за квадратами лесополосы вдали от селений. Потому, здесь за редким исключением, можно встретить человека. Обычно сюда забредают охотники, да ещё любители ночной рыбалки сетями.

При подъезде к озеру, замечаем, что оно находится в большой естественной впадине, что и создало условия для её затопления.

Местная легенда гласит, что жители близлежащего села Виноградовка, якобы некогда при ловле рыбы, обнаруживали в сетях фрагменты мусульманского памятника. Всё это укладывается в логическую канву, если учесть, что вытесанные из камня-ракушечника памятники имели форму с навершием в виде купола мечети или минарета.

Согласно Шариату, мусульманские памятники на могилу должны быть скромными. По этой причине на исламском кладбище, не сыскать роскошных

скульптур. В то же самое время, по завещанию пророка Мухаммеда, глядя на памятник должно быть сразу понятно - на этом месте покоится мусульманин. Таким образом, мусульмане захоранивая останки своих соплеменников в земле, на этом месте всегда воздвигали памятник, чтобы достойно почтить память усопшего и не поправить религиозные предписания.

Поскольку это было сельское кладбище, надеяться на богатые памятники (известно, что мусульманское духовенство, закрывало глаза на установку таких), особенно не стоит. Наверняка, на некоторых памятниках возможно обнаружить надписи на арабском языке. Возможно, нашлись бы эпитафии, хотя это скорее всего, суры из Корана, возможны традиционные надписи для того времени. Надписи на русском гравировать в те времена, было не принято. Какую территорию занимало это место, последнего пристанища мусульман обитающих в Буджаке, мы не знаем. Многие могли бы рассказать причудливая арабская вязь, традиционный орнамент или культовый знак полумесяца, даже самого простого надгробия.

Опубликованные источники сообщают нам, что на буджакских землях на протяжении 1500 лет основывали свои поселения и безраздельно господствовали тюркские народы и государства. Буджак в XV веке находился в пределах границ Молдавского государства, однако там численность татар была совсем незначительной. С конца XV в. татары снова начали приходить на территорию Буджака. В XVI-XVIII вв. Добруджу и Буджак называли «Тартария».

Со второй половины XVIII в. ногайцы перешли на оседлый образ жизни. Источники сообщают разноречивые данные о татарских поселениях.

Молдавский господарь и ученый Дмитрий Кантемир в «Описании Молдавии» сообщает, что в 1568 г. в Буджаке проживало 30 000 татар.⁸

«В указе султана Ахмеда I от 1608 г. написано следующее: «Вот уже несколько лет как крымские и ногайские татары, перейдя Очаков и Днестр, пять-десять тысяч татар Аккермана, Бендер и Килии в своих степях обрели Родину. В дипломатическом отчете 1618 г., отправленном из Стамбула в Париж, сообщалось, что на западном берегу Днестра с недавних пор проживает 15 000 татар. Итальянский путешественник Марко Бандини в середине XVII в. насчитал 60 татарских деревень. Османский путешественник Эвлия Челеби, изучавший эти земли, сообщает о 200 процветающих татарских деревнях. В 1691 г. известный инженер-генерал Л.Ф. Марсигли насчитал в Буджаке 300 татарских деревень.»⁹

Достоверность всех сведений приведённых выше путешественников посещавших в разные времена Буджак, не подтверждается данными из других источников. К тому же, следует учитывать, что сами того не ведая, эти авторы оказались в плену собственных пристрастий и этнических предубеждений, подчиняющихся сформированной исторической конъюнктуре.

Мы видим, что количество населения исходя из соображений ведения кочевого хозяйства, постепенно увеличивалось, а в XVII в. Буджак находился на пике

8

⁸ Кантемир Д.К. Описание Молдавии. Кишинев, 1973.

9

⁹ Джемил Таксин. Татары Добруджи и Буджака. Золотоордынское обозрение №1. 2013. С.168-169.

населённости по меркам того времени. Однако, приведённые выше статистические данные о ногайском населении приблизительны, к тому же эта цифра значительна, только для определённой эпохи.

После подписания Ясского мирного договора 1792 г. миграция татар усилилась. Согласно седьмому пункту подписанного в Бухаресте 28 мая 1812 г. турецко-русского договора, Буджак отходил к России, а за населявшими его татарами признавалось право переселения на османские земли. Ногайским племенам давалось 18 месяцев, чтобы покинуть Буджак, а на «уступленных землях» должны были переселиться христиане, находившиеся в подданстве Османской империи.¹⁰

В описываемой нами местности степь была почти пустынной. Это были по местным меркам большие, 20 километровые пространства земель пустых и необитаемых. Причина подобного запустения сложилась исторически. В то время как северная Бессарабия издревле была населена молдаванами, южная, лежавшая на пути движения диких орд кочевников, несколько раз изменяла племенной состав своего населения».¹¹

Историки и мемуаристы той эпохи единодушны в своих мнениях о том, что большинство селений «лежат на пепелищах разных ногайских племен». Вот какие сведения по этому вопросу мы обнаружили в статистическом очерке А.А.Скальковского «Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае» изданном в Одессе в 1848 году. По утверждению самого автора, (который лично посещал поселения в Буджакской степи и пользовался источниками из местных учреждений и губернаторского архива), местность занимаемая Болгарскими колониями в географическом отношении «представляет тот замечательный факт, что из числа 92 колоний или селений этого народа, 89 основывались на землях некогда бывших кочевьями Ногайских орд, и только три (на Таврическом полуострове) на пепелище христианских селений, но и то бывших под Татарским владычеством».¹²

Данные о количестве ногайского населения в Буджаке середины XIX в., основанные на документальных материалах, в три раза разнятся. Такое отчётливое разночтение можно объяснить лишь неточностью данных, основанных на приблизительных вычислениях и интуитивных оценках.

Количество населённых пунктов никогда не соответствовало количеству кладбищ. Их всегда было меньше. Земельные участки, выделяемые властями под размещение кладбища производятся на основе санитарно-эпидемиологической оценки, множества факторов.

Исходя из относительной малочисленности поселений, можно предположить, что на одно кладбище приходилось не менее 3-4 ногайских поселений.

10

¹⁰ Бухарестский мирный договор 1812 года. Текст./Фадеев А.В./Большая советская энциклопедия: (в 30 т.)/гл. ред. А.М.Прохоров.-3-е изд.-М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.

11

¹¹ Михайличенко Н.Ф. Селение Ташлык со времени его основания до настоящего времени. Арциз,2011.С.87.

12

¹² Скальковский А.А. Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848. С. 45.

Хутор Пенчул за свою недолгую историю претерпел немалые изменения, в том числе и не улучшавшие его. Почти всё это время приходится на период правления Российской империи до 1918 года.

«После образования Бессарабской области в 1818 году и размежевания, эти пустопорожные участки земли принадлежали казне. После отмежевания в 1824 году в Аккерманском уезде к казенным городам и селениям положенного количества земли, остающиеся в казенном ведомстве пустопорожные земли были разделены на участки по 5 тысяч десятин.

Два участка располагались в долине реки Дракул, под №№ 67 и 68. На участке под № 67 в 1824 году существовало 3 хутора. «В них дом плетневый, 1, землянок 2, сараев 5, мельница ветряная 1, колодцев 7». □ Второй участок под № 68, также находился в долине реки Дракул, и был смежен с участком под № 49 принадлежащим задунайским переселенцам, с казенным селением Ташлыком. Здесь в 1824 году существовало два хутора. «В них: дом каменный 1, плетневый 1, сараев 4, колодцев 4». ¹³ □ По нашему предположению, на одном из этих участков был хутор Пенчул.

По всем данным, вероятнее всего он размещался на участке под № 68. Первые конкретные данные о хуторе появляются середине XIX века. Сведения о Пенчевой даче, как частном владении, «при колодце и балке Дракуле» мы почерпнули в «Списках населенных мест Российской Империи, Бессарабской области» составленных в 1859 году. Согласно данным переписи на хуторе в эти годы число дворов составляло — 40, а население хутора было весьма многолюдно, для тех времён — 106 человек; 60-человек мужского пола и 46 человек женского пола. ¹⁴ □

Возможно, именно в эти годы, хутор был в зените своего благополучия. Спустя десятилетие, мы имеем возможность судить об экономическом и юридическом изменении положении дел на хуторе. По результатам следующей переписи, хутор Пенчул перестал существовать под прежним названием. Правда, как это водится, он остался в памяти народной «хутором Пенчул», а в официальных документах с 1870 года стал именоваться — «Спелиотовка». Название это, также происходит от фамилии собственника хутора. Нам достоверно неизвестно имя нового хозяина. Мы предполагаем, что это предок известного в Аккермане в начале XX века почетного мирового судьи — А. □ Е. □ Спилюти. Мы обнаружили эту фамилию в списке уездного начальства Аккерманского уезда за 1910 год. ¹⁵ □

Вот какие данные по хутору были представлены по результатам переписи 1870–1875 гг. Число домов, в сравнении с вышеприведенными данными сократилось на 9 строений, и составило –31. А еще через пять лет, их осталось –24, что на 7 домов меньше. Правда, количество населения в 1870 году при этом даже чуть

13

□ Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака. Аккерман, 1899. С. 255.

14

□ Списки населенных мест Российской Империи, составленные и издаваемые Центральным Статистическим Комитетом Министерства внутренних дел. III. Бессарабская область. СПб., 1861. С. 21.

15

□ Бессарабский календарь ежегодник. Ежегодное издание. Под ред. Б. □ О. □ Ламперта и Н. □ К. □ Могилянського. Одесса, 1910. С. 118.

увеличилось до –125 человек, мужчин проживало-68 человек, а женщин — 57. В 1875 году жителей хутора стало-129, количество мужчин проживающих на хуторе сократилось на 6 человек. По всей видимости, этот факт следует связывать с началом в крае, первого призыва в армию молодых людей призывного возраста. При этом женщин, по сравнению с предыдущим пятилетием, стало чуть больше на 10 душ – 67.¹⁶ □

Следующая перепись населения,¹⁷ к сожалению, из-за её специфичности, не предоставляет нам никаких данных. В переписные ведомости попали только населенные места Российской империи в 500 и более жителей. Как было отмечено выше, на хуторе Пенчул, в его лучшие годы проживало не более 129 душ обоего пола.¹⁸

Население хутора Пенчул уже к началу XX века сократилось до минимума. В 1908 году оно составляло — 4 души обоего пола при одном дворе. □ Причины столь резкого хозяйственного упадка, по-видимому, следует искать в общем экономическом положении края, а не только в самих землевладельцах. Спустя полвека, от целого поселка в 40 домов остался один единственный двор, за которым числилось собственной земли 1800 десятин. Предположим, что этот двор состоял из нескольких построек. Наверняка, это был жилой дом, остальные же постройки, так называемые, - хозяйственные и предназначались они для домашнего скота».¹⁹

Приведённые документальные свидетельства, относятся к периоду колонистов, заселившихся на местах раннее занятых ногайцами, в урочище реки Дракуля. Это позволяет нам предположить, что ногайские стоянки и жилища в данной местности были весьма распространены.

Отражение солнечных бликов на гладкой поверхности озера, мистифицирует прошлое, реставрируя очевидные очертания этого мрачного места. Зловещие очертания старинных плит и покосившихся памятников, вросших от времени в землю, больше не напоминают путнику о горестной стороне человеческого существования. Они скрыты под водой. И некая тайна, скрыта за завесой времени. Это место, откуда люди должны были собираться и мёртвые вставать. Это место, больше не является сакральным. Оно стёрто с лица земли и забыто²⁰ потомками!

16

□ Бессарабская губерния в 1870–1875 годах. Перечень населенных мест. Сост. А. □ Н. □ Егуновым (Издание Бессарабского статистического комитета). Кишинев, 1879. С. 109.

17

□ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897 г. Под ред. Н. □ А. □ Тройницкого. Населенные места Российской Империи в 500 и более жителей с указанием всего наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905.

18

□ Бессарабский календарь ежегодник. Ежегодное издание. Под ред. Б. □ О. □ Ламперта и Н. □ К. □ Могилянського. Одесса, 1910. С. 222.

19

□ Михайличенко Н.Ф. Селение Ташлык со времени его основания до настоящего времени. Арциз, 2011. С. 359-361.

20

Начальный период осёдлости ногайцев отмечен их традицией чаще проживать в селениях, которые располагались, как правило, по берегам рек, Алияга, Ташлык, Чага, Киргиж, Дракуля. В данных районах единственно известным сельским мусульманским кладбищем является описываемый нами пантеон.

Вино и одиночество

Вино в человеке - ум в кувшине.

(Немецкая пословица)

Мы входим в мир одинокими

и одинокими покидаем его.

Зигмунд Фрейд

¹ Современная исследовательница Худайбердыева О.А., - аспирантка исторического факультета Одесского национального университета им. И. И. Мечникова, считает, что после подписания Бухарестского мирного договора 1812 г. и переселения ногайского населения «...за короткий период новыми, в основном, славянскими колонистами были уничтожены практически все свидетельства пребывания здесь мусульманского населения. Некогда цветущие города (Измаил, Килия, Татарбунары) были срыты до основания, уничтожены почти все мечети, медресе и даже надгробные камни мусульманских кладбищ были использованы новыми жителями для хозяйственных нужд. Почти 600-летняя история ислама в Буджаке была тщательно стёрта из памяти».

Правда, здесь, представлена только наполовину. Кочевники не оставили значительных культурных памятников в Буджаке. Это непреложный факт! Мечети были в Аккермане, Измаиле, Килие, Татарбунарах. Случаи использования мечетей под христианский храм в Буджаке известен только один, - в Измаильской крепости. Если бы мечети были кирпичными, прочными и красивыми, они бы долго простояли, не будь это примитивные постройки со слабыми глинобитными стенами. Даже, если предположить невероятное, что мечети были невообразимо красивыми, от одного взгляда на которые захватывает дух, с поражающими своими размерами и величием, сыгравшие серьёзную роль в истории местных мусульман. Строения, которые не используются людьми, со временем приходят в негодность, разрушаются и исчезают, какими бы крепкими и огромными они не были. Бани и другие строения, никаких архитектурных ценностей не представляли. Относительно того, что жители использовали надгробия для построек в быту. Историк забыла упомянуть, что христианские народы, находящиеся под турецким игмом, почти 500 лет на своих землях терпели от османов жесточайшее обращение, унижение, издевательства и поборы. Османское господство являлось серьёзным препятствием для культурного развития порабощенных православных народов. Вся мировая история показывает, что во все времена победители вели себя, руководствуясь правом сильного. На тот момент, здесь были только победители и побеждённые. Этим всё сказано. Документально известно, что переселенцы-колонисты заселились на местах традиционных жилищ ногайцев, которые после себя оставили одни пепелища, да груды развалин. Именно с приходом на эту землю славянского населения началось возрождение края. Пустынные земли стали распахиваться под поля и виноградники. В Российской империи Бессарабия занимала первое место по виноделию и садоводству, а пшеница составляла главный предмет вывоза из губернии. Кладбища разрушались временем и распахивались, как заброшенные, под колхозные поля. Только в годы Советской власти по-настоящему развернулось интенсивное жилищное строительство на селе, которое и составляет нынешнюю основу представления об организации современного обустройства поселения.

Обычный сентябрьский день разгорался, и в полдень становилось жарко, как летом. Урожай убрали до самых первых заморозков: в последнюю очередь собирали кукурузу и виноград. В сборе винограда участвовали и стар и млад. С раннего утра и до позднего вечера, в небольших корзинках из виноградной лозы носили виноград в огромный сарай, где сначала его перемалывали, пропуская через специальную деревянную машинку, а сок стекал вместе с перемолотым виноградом в огромную деревянную кадку.

Сбор и перемолка винограда занимала около трёх дней. На хуторе стоял пьянящий сладковатый запах свежего виноградного сока. Сотни пчел летали вокруг всех кадок и посуды с соком. В эти дни Давид носил сок в огромный каменный подвал, сливая его из большого деревянного ведра в стовёдерные бочки. Когда весь сок из кадок стекал, наступала пора пропустить еще сохранившийся довольно много сока виноград через пресс. Большой деревянный пресс с металлическим винтом наполнялся мязгой, и выжимался до спрессованного круга, извергаясь уже черным смолистым соком, считавшимся вином второго сорта и сливался, естественно, в отдельные бочки. После окончания этой трудоемкой и не терпящей отлагательства работы, в подвале от брожения и постоянно стекающей пены с бочек, невозможно было долго находиться. Хмелеющий и дурманящий запах молодого вина, только набравший крепость и силу, витал в воздухе.

Виноделие требует много знания, требует достатка для правильного хозяйства, а ни того, ни другого у деда Давида не было. У него только были что ноги, которыми он топтал виноград, старые бочки, которые ежегодно рассыхались, и нужно было их отмачивать водой и пропаривать травами. С такими приспособлениями, конечно, вина получить нельзя, и надо еще удивляться, как ему предоставленному вполне своим силам, удавалось справляться до известной степени с виноградом и получать то, что уже можно назвать вином. Самый крупный недостаток местного виноделия - это ранний сбор винограда, до его полного вызревания. В округе почти повсеместно спешат срезать виноград, когда в нем еще не сформировалось то количество сахара, которое может получиться при местных климатических условиях. Поэтому в бродильную бочку попадает кислотина и выходит оттуда вино слабое, нестойкое, скоропортящееся. Местные селяне никогда не допускают винограду вполне созреть, а собирают все, как попало, и белый, и черный, и зрелый, и зеленый, в одну общую кучу и вместе давят, получая таким образом, некачественное вино.

В Ташлыке отдельные селяне из-за крайней бедности, давку винограда вели первобытным способом, ногами или деревянной ступкой, пнем с коротко, вилообразно обрезанными корнями.

Наиболее предприимчивые и не беспокоящиеся о своём добром имени, готовят вино на продажу, для не очень разборчивых любителей вина по сходной цене, добавляя в бочку куриный помёт и табак, Однако традиционно у большинства жителей, вино стоит в бочке для домашнего употребления.

После неугомонного трудового дня Давид сегодня неожиданно для себя почувствовал какое-то непонятное беспокойство и отчуждение ко всему. Он неторопливо спустился в подвал за вином.

Был осенний вечер. Давид сидел в одиночестве на узкой террасе и пил вино. Пил вино в одиночестве, то ли спасаясь от одиночества, то ли оправдываясь им, чтобы прикрыть своё истинное состояние: опустошенность, скуку, беспокойство и тревогу.

На дощатом столе перед ним стоял большой глиняный кувшин с отбитым горлышком. Вино в недопитом стакане отражалось малиновым цветом в лучах пурпурного заката дня. Легкая вечерняя прохлада бодрила. В звенящем воздухе отчетливо слышались привычные звуки: гусей, уток, барашков, свиней в дальнем углу сарая, и глухое мычание коровы, а из конюшни доносилось резкое фырканье двух его лошадей. По двору распространялся легкий запах жженой соломы, - домашние готовили ужин.

Вино было терпкое, прозрачное и очень хмельное: урожая прошлого года. Он чувствовал, как по его телу распространяется приятная легкая немота.

Давид думал о жизни вообще. О том, что многие селяне смысл этой жизни выражают простыми междометиями: «Ах!» и «Ох!». Не утруждают себя такими смысловыми нагрузками, которые он иногда пытается тщетно осилить. От того у него, наверное, такие морщины на лбу! Он думал о своем прерванном ранними заботами о хлебе насущном детстве, о своих детях, внуках. Почему-то ему вспомнилась молодость: скорая женитьба, жена. Впервые за много лет он подумал о ней, и даже по-своему пожалел. В последнее время он замечал, что в её грустных глазах было отражение какой-то вечной тоски исходящей от постоянных забот о большой семье, а также тяжелого, повседневного крестьянского труда.

В его хмельной голове возникали яркие картины редких веселых сельских праздников. На хуторе все праздники совпадали с окончанием полевых работ. В такие дни житейская суэта сменялась весёлыми деревенскими гуляниями. Повсюду было очень весело: катались на качелях и лошадях, молодёжь гуляла до утра, кумовья и родственники обедались за общими столами, и никто не делал ничего.

В каждом дворе гуляли, ели-пили и песни пели. По селу ходили хмельные мужики и горластые бабы, смех, шутки,- всё вокруг пёстро и весело. Хозяйева разливали гостям самогон и вино, звучали громкие тосты за успех и радости жизни, запивалось все домашним соком и заедалось квашеной капустой с яблоками. До позднего вечера в некоторых домах светились окна, в которых качающиеся тени пели хором. На другом конце улицы слышно было, как какая-то молодница пела сиплым дискантом весёлую песню...

Пытаясь освободиться от воспоминаний прошлого, Давид подсознательно твердил в уме: что он просто пьян. А если разобраться? Что его сегодня мучило в поле? Почему на хуторе стало невыносимо тяжело жить? А когда невыносимо, появляется ясное ощущение, что просто не остаётся сил жить. Как будто они выпадают из общего течения жизни.

А впрочем, почему всегда душевные терзания относят к человеческой слабости, и их следует скрывать не только от родных, но даже и от самого себя?

И почему Давид не имеет право на сомнение по отношению к своей жене? Ему часто снится: как она встаёт из-за стола и входит в круг танцующих гостей. Во время танца, кроме кума, было много желающих танцевать с ней. Это был яркий повод, поддастся соблазну, надеть на себя диковинку, сшитую деревенской портнихой, чтобы удивить всех. Белое платье, свободного покроя ниже талии развевалось на поворотах,

и вокруг летал её смех. Она кружится, кружится в бесконечном танце, а щёки всё краснее и краснее и горят, как полевые маки.

Пытаясь справиться с приступом слепой ревности, он вспомнил, как бабушка рассказывала, что в старину, в годы её молодости в Ташлыке краснота щёк считалась критерием красоты и гордости.

Его обуревала досада. Она возникла так неожиданно, что захватила его полностью. Душила и терзала навязывая досадные мысли, как будто он всё безвозвратно утратил и выхода нет никакого. Разве за ним наблюдалось такое, чтобы он пил вино потому, что тянулся к веселью. Вообще выпивка в одиночку не приветствуется в Ташлыке - обычно принято выпивать в компании на праздник. А если просто не с кем, или не хочешь никого видеть? Можно, наверное, пару раз выпить в одиночку, когда что-то из ряда вон выходящее произошло в жизни. Батюшка однажды назидательно говорил, что даже святые апостолы пили вино, что у многих народов это символ долголетия, да и вообще «истина - в вине!». Всегда ведь было известно, что если хочешь узнать точно, что человек думает, угости его вином. Досада мешала ему думать, он изо всех сил старался преодолеть это чувство неудовольствия собой и другими и вернуться в реальность. Подсознательно, он понимал абсурдность причины вызывающей досаду, но это был какой-то непреодолимый тупик его мыслей. Ну почему досаду могут вызывать даже близкие люди?

Неужели вино на него так подействовало? Постепенное, размеренное, и даже спокойное движение жизни приобрело вдруг для него необъяснимое, гнетущее беспокойство.

Не следовало столько выпивать. И он опять машинально потянулся к кувшину, пытаясь настроиться на только что утерянную идею жизненного сарказма.

Его начинал разбирать хмель красного виноградного вина. Давид упорно старался не сдаваться помутнению трезвого разума. Старался рассуждать. Рассуждать так, как когда-то рассуждал его дед. Крупный, степенный человек, с седой бородой на круглом лице, неторопливый в своих суждениях, словно смакуя каждый случай, одним словом – гордость, пример и память всего рода. Спокойствие деда всегда поражало Давида, его размеренный образ жизни, словно по нотам, был непонятен. Видимо потому и прожил - 86 лет.

Его дед, переселился в эти края при императрице Екатерине II, когда одновременно с уничтожением гетманства и учреждением Слободской губернии вышел указ об образовании Новороссийской губернии. Это был конец эпохи Запорожской Сечи. Вольные казаки отныне должны были заселять черноморские пространства, которые лежали дикой нетронутой степью. В глазах Давида авторитет деда был непререкаем. Его речи всегда казались мудрыми; они перемежались с многочисленными поговорками и народными присказками. На все случаи жизни у него были заготовлены яркие злободневные примеры, всякого рода легенды.

Ему запомнились два рассказа деда. Первый - о славном строителе Маноле.

Второй рассказ - был былью, которая передавалась из поколения в поколение.

Это рассказ о Измаильской крепости после её осады А.В.Суворовым. Старые люди рассказывали, что ещё долго местные жители натыкались на широкие и всё ещё глубокие канавы - старые крепостные рвы.

В конце XIX в. развалины Измаильской крепости представляли собой поросшие бурьяном холмы – остатки окружавших некогда крепость земляных валов. Возле них

тянулась полуразвалившаяся мечеть с надписями на арабском языке у входа. Ближе к берегу Дуная лежали остатки фундамента Генуэзской башни. Это всё, что сохранилось в то время от неприступной когда-то твердыни.

Старые люди, по привычке, только избранным, весьма доверительно, рассказывали о подземном ходе из крепостного колодца, который ведёт к берегу Дуная. Когда-то турки пользовались им для секретного перехода на другой берег во время осады крепости. Но скорее всего, слежавшаяся за долгие годы земля забила вход. И теперь этот ход затерян. Это было в стародавние времена, давным-давно, в стране и в крае не было мира, и люди порядком устали от войн, набегов, поджогов, разрухи и голода.

А нынче, в стране мир и согласие между людьми. И ворота его стоят открытыми, как на господаревом дворе. И сквозь них в эти тихие осенние дни виден его старый сад зелёным морем ветвей снижающимся по склону прямо к озеру.

Каких только историй не рассказывал дед! А знал он их немало. Деда Давид любил. Но дед лежал в могиле вот уже 30 лет. А какую легенду он расскажет своим внукам? Хотя и сыновьям он ничего подобного не рассказывал. Все - таки, наверное, он от деда что-то унаследовал такое, на что пока ещё ответа не нашёл. Рассказчик он был никакой. Никаких великих речей он никогда не произносил. Правда, красота природы его иногда вдохновляла до уровня желания быть важным и произнести нечто такое, от чего бы у всех отвисли челюсти. Но тут же критично настроенный внутренний голос стал его вновь терзать.

В прошлую великую субботу Давид, поднимаясь на богослужение воскресению Христову по дорожке в гору к воротам церкви мимо школы, впервые почувствовал тяжесть этого подъема. Не сказать бы, что эта тяжесть была в ногах. Склоняясь к земле, под градусом подъема, ему неожиданно пришла в голову какая-то нелепость. Старательно обходя камни и глубокие, узкие канавки, образовавшиеся после многолетних дождей, он узрел в них особый смысл. Вода тщательно обнажила до каменных костей эту горку, оставив на ней причудливые извилины, крепко вонзившихся в каменный пласт. Эта горка стала лысой, сбросив покров земли и утратив способность плодоносить. Природа словно настаивая на неизбывности времени, хотела сказать, что она всегда вела его отсчет, и наглядно это показывала.

Подъём очерчивался массивным каменным пределом между церковью и школой: Грамота и Вера. Невозможно было одновременно знать, что делается за этими заборами, допустимо было только предполагать. Два каменных забора, два мира! И оба вызывали какой-то необъяснимый трепет и смирение. Пока он шел по этому, никем не отмеченному лабиринту в горку, он подумал, что эти глубокие шрамы под ногами, словно линии судьбы на руке человека. Линии для каждого индивидуальны, а дорожка с этими красно-желтыми извилинами – общая. Что-то в этом есть, вздыхая то ли от отдышки, то ли от необычных мыслей, подумал он.

Ему не пришлось учиться в школе. Он так и не попал в это загадочное здание, которое возможно и не оправдало бы его умственного назначения, которое, как говорят люди, от самого Бога. Но всё же шанс ему не был даден. А значит, он свободный мыслитель. Не обременённый никакими заумными правилами - запретами, и такими тонкостями, которые присущи только городским жителям. Однако и эта довольно смелая мысль вызывала у него неожиданное сомнение и таинственный страх перед

необъяснимым состоянием быть грамотным, уметь читать и писать. Ну и что из того, что он безграмотен? Ему всё равно никто не смеет перечить в доме. Он хозяин пока.

Взять хотя бы и эту акацию, растущую повсеместно и обладающую крепкими неприступными шипами вид дерева, видимо предназначенный для украшения аллей, она возвращала Давида в состояние детства. Этот уже далекий и безвозвратный мир безмятежной романтики и сладких фантазий обретал новое цветение каждую весну. Невесомый аромат распространяли на всю округу, эти мотыльковые, пахучие цветки, белого или красного цвета собранные в висячие кисти. Царственно выстроившись вдоль дорог, эти деревья, роскошно распластали свои белые гроздья, свисающие тяжелыми кистями до самой земли. Цветки белые, душистые, собранные в пазушные повислые кисти, ближе к осени образуют бобы, спрятанные в черных стручках. Цветение напоминало о нежном времени детства и о быстром переходе к зрелости, которая не была такой яркой и впечатлительной.

Разве это не похоже на жизнь многих из нас? Наверное, стоит согласиться, с тем, что вся жизнь человека представляет собой последовательность пронзительно-ярких мгновений.

В наших местах белая акация быстро размножается семенами и корневыми отпрысками. На пустырях можно встретить кустарник до 3 метров высотой, с розовыми крупными, не пахучими цветками.

Немаловажное значение вся эта красота имела и для семейства жалоносных насекомых – пчел. У Давида были ульи с самым распространенным и общественным видом — обыкновенная пчела. Пчёлы живут в настоящее время только в ульях семьями, так как улей населен потомками одной матки. Отдельные же экземпляры не могут жить вне улья, и даже несколько самцов (трутней) с несколькими самками (матками) не могут продолжить своего рода при отсутствии рабочих. Все это напоминает общество. И некоторые его законы, которые в отличие от людей, для насекомых непреложны. Разумеется же, что мёд получается из нектара цветов медоносных растений, в котором рабочие пчелы не чувствуют недостатка в нашем крае. Давид все более и более сравнивает себя и жизнь свою с пчелами в последнее время. С утра до вечера рабочие пчёлы, кроме вылета за взятком непрерывно заняты постройкой сотов, кормлением личинок и матки, очисткой улья. Только вот нектар достается ему, почему-то с величайшим трудом, не всегда вознаграждаемым человеческой благодарностью.

В его голове, уже в который раз сверкнула подсказка: «Ты пьян!» Но бессарабское вино, кроме веселья и бесшабашного умерщвления времени, оказалось, ещё было способно наводить его на досель не приходящие в голову мысли. Однако их новизна почему-то не радовала.

Словно мутный ручей, перепрыгивающий ранней весной через камушки, в его голове проносились неудобные мысли. Боже мой! В церкви он последний раз был на Пасху в прошлом году! И свечку матери перед алтарём поставил самую дешёвую, а до кладбища так и не дошел, только в воротах постоял немного. С кумом повстречался. О святом ли сейчас думать. Всё одно, грешен! Грешен против Бога, поступая против заповеди Его, которую он изрёк прародителю нашему Адаму! Потому в поте лица своего ест хлеб свой!

Но в этот момент Давид не был готов к таинству исповеди. Не был готов обнажить настолько душу, чтобы оставить позади стыд за грехи и все проступки,

которым он еще не успел дать моральной оценки. Над этим надо подумать, остаться, как сейчас наедине с самим собой, проанализировать ещё раз свою жизнь и осознать все свои грехи.

За всё лето доброго слова детям не сказал. Всё об урожае беспокоился. Даже Бога забыл. Относился к домашним по-военному, жёстко и твёрдо, в срок, требуя всё и вся.

Его душа размякла. Но он больше всего стыдился этого. Помутневшим взглядом обернулся в сторону ворот, нет ли свидетелей его предательского состояния. Мягкость в его представлении, считалась для мужчины непростительной слабостью и беспомощностью.

Природа словно потворствуя его состоянию, одновременно с его думами прятала последние лучи небесного светила. Смеркалось. Впервые Давид почувствовал в себе какой-то надлом. Этот хмель был совсем необычным, не сваливающим с ног, и не озвученный глупостями бессвязного крика, это был всё же мысленный переход в состояние доселе ему неведомое. Опять подумалось: старость.

Ветер, гуляющий в старом орехе, перешёптывающимся зелеными листьями и накликающим то ли дождь, то ли хмурое утро, был сегодня всего лишь досадным и единственным собеседником, ошибающимся ровно столько лет, сколько было от рода Давиду. Даже острый, привычный запах густого ореха-великана, раздражал хозяина, крупные ветки бесплодно стучали усиливающимися ударами в терраску. Это была реальность, и свет в оконце, который обязательно пробивался с рассветом. Это был воздух, без которого дышать невозможно. Это был осенний закат, которым никто не восторгался, потому что он наступал ежедневно, и краски десятилетиями были такими же. Ничего дивного! Всё это просто запечатлевалось в душах людей, которые жили здесь, и воспринималось как простая данность, которая не обязательно должна продумываться.

Давиду свободно дышалось только в поле. Оставаясь один на всём видимом степном просторе в одиночестве, - как под естественным убежищем всех мыслителей: он вдохновлялся словно знаменитость или гений человечества. Это было похоже на невидимую благодать Бога, которая возвышала и окрыляла сознание планами самых радужных и невероятных размеров, отдаляя его от земли и освобождая от телесных уз.

Он не находил объяснения почему его так захватывающе поражал горизонт. Всегда ровная линия горизонта, оставаясь на уровне глаз, обманчиво уходила в неведомые дали. Он был для него Вселенной, Космосом, и всем тем, что только могло обозначать величие Мира. Линия горизонта, соединяющая невидимой чертою землю и небо, была для него священной, магической, и астрономической, в смысле его понимания Пространства.

Несбывшееся, самое сокровенное, что лежит в самой глубине души, и кажется сейчас невозможным, несбыточным, возможно по-прежнему, находится где-то там за горизонтом, между небом и Землей.

Красота вокруг хутора была настолько будничной и повседневной, что замечать её считалось неправильностью, чем - то из ряда вон выходящим, будь то в свете наступившего, или завершающего дня, недели, или года.

Красота. А что для него красота? Это что-то большое, вселенское, божественное, совершенное. Ну, в общем, чтобы глаз радовало. Прежде чем говорить о красоте души человека, надо замечать красоту внешнюю. Это его, потом обработанное поле: кукуруза и виноградники, сад возле дома, часть деревьев которые он сажал, будучи ещё мальчишкой.

А взрослым и зрелым мужем, когда уже были дети? Ему было всего 23 года, а у него уже было двое детей. С той самой поры и приходилось думать о содержании семьи. О молодой жене, и её не совсем ему приятных братьях, многочисленных

родственников. Всё это приходилось плотать, как полевою весеннюю пыль, и работать день и ночь на благо своих детей, которые появлялись почему-то сразу, и ежегодно не давали ему выспаться в молодости.

Его нынешние ночные бдения были связаны с объездами своего кукурузного поля. Раньше об этом и слухом не слыхивали. Нынче настали другие времена, хоть и редко, но выезжать приходилось. Воры забирались и в этот угол вдаль от сёл. Под свежей лунной дорожкой, погоняя свой возок, Давиду приходили разные мысли. В последнее время, непонятный страх одиночества смешивался с уже немолодой помесью гонора. Наверное, это из-за своего нетерпеливого отношения к вере в Бога. Видимо, эта месть сказывается несправедливостью исходящей из всего окружающего его мира.

Почему он стал замечать острее: желтый круг луны, звёзды яркой россыпью, вечерний горизонт, страшные сумерки, и даже неожиданный багровый рассвет? Старость? Разве для каждого человека старость - источник мудрости и жизненного опыта? А может это переосмысление происходящего вокруг, называться мудростью? Или всё-таки это старческий романтизм, называемый в народе маразмом?

Вопросы в его голове сыпались словно переспелый горох из ведра, но оставались без ответа. Однако наверняка, точно он заметил, что перемены стремительно ускоряются. И кто знает, как они отразятся на их дальнейшей жизни? Давид как доморощенный мыслитель, который явился в мир на исходе времени, когда ничего катастрофического не происходило десятилетиями, чувствовал вселенскую ответственность за всё, что происходило вокруг. Невиданная прежде страсть к духовному самоусовершенствованию обнажила причину его беспокойства. Как жаль, что только вот сегодня, сейчас, когда ему скоро пять десятков стукнет, пышным цветом расцвела в нём жажда личностного роста, потребность в пробуждении души и духовном опыте.

Вечерние сумерки окончательно опутали черную тень одиноко согнувшегося за столом Давида. Кувшин был пуст. На выскобленном добела столе пропечатались несколько красных кругов от кувшина и чуть поменьше от стакана.

Библейский Ной, сойдя со своего ковчега после всемирного потопа, прежде всего, занялся земледелием. Он посадил семя виноградной лозы, и когда она отцвела и созрела плодами, он выжал сок, выпил, и напился, почувствовав, что это источник вечного наслаждения. Давид не знал эту библейскую легенду..

*Чувства жизни нет без чувства смерти,
Мы уйдём, ни как в песок вода,
Не живые, те, что мёртвых сменят,
Не заменят мёртвых никогда.*
Е.А.Евтушенко

«Да не смущается сердце ваше...»²¹

²¹ Евангелие от Иоанна. (Ин.14:27.) Христос говорит: «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается». Бог призывает нас не смущаться сердцем нашим, не пугаться и иметь веру в Него не потому, что якобы ничего не случится. Может произойти многое, и даже худшее. Человек должен преодолеть всё и скорби и страдания, он должен знать, что Бог не допустит скорбей выше его сил и даст ему большое мужество.

Утром немного мутило. На душе, словно кошки скребутся, было беспокойно, тревожно. Для самоуспокоения всё можно было списать на вчерашнее. И почему каждый раз на утро после выпитого лишнего стакана вина появляется желание провалиться сквозь землю. Почему-то хочется сгореть от стыда! Чувство вины после вчерашнего выпитого вина возникает каждый раз, наверное, из-за неразрешенных внутренних противоречий души. Но утро вечера мудренее, и отрезвляет оно иногда, очень необъяснимо.

За этой душевной муторной завесой, скрывалась жизненная философия, вечно спорящая то с человеком, то с самой вечностью, но никак не утверждающая что - то одно определенное. Бренность жития всегда настраивает человека на такой лад.

Суматошная жизнь! При всей её внешней неторопливости, всегда присутствовал страх перед угрозой голода и холода. Упорный труд с утра и до ночи был единственным гарантом вовремя накормить большую семью. Такой ритм превратил его жизнь в бесконечное веретено, остановка которого грозила свалиться всей семьей в нищету.

Правда, одному человеку такая участь больше не угрожала... Этой осенью дед Архип, - его тесть, тихо и безболезненно отошёл в мир иной.

Вот уже три месяца, как он лежит в могиле. Смиренно, тихо, ни кого, ни чем не беспокоя. Пришёл он на эту планету с определённой миссией, которая до конца так и осталась неразгаданной. Каждый человек после себя хочет оставить свою кровинушку, сына или дочь, чтобы был тот, кто продолжит его дела. Своих детей он воспитывал православными, но не особо усердствовал в этом.

Он оставил им в наследство после себя бедных потомков и массу хозяйственных проблем, которые не смог решить. Благо, есть люди, в жизни которых он сыграл решающую роль: научил, помог, направил на свет, который трудно найти в темноте. Он дал в жизни многим многое, а сам остался подобно дорожному указателю, который указывает другим дорогу, а сам пребывает недвижимым.

Ему уже ничего не надо. Он ничего, ни от кого не требует, не ждёт, и никому ни чем не обязан. Он закончил все свои земные дела. Отныне он больше не подвержен болезням, скорбям, страстям и желаниям, основанным на жизненной необходимости.

Есть ли на свете такая мера, которой можно было бы измерить глубину нашей скорби? Нет предела нашей скорби и печали! Белый свет померк, наши души и глаза заслонило непомерное горе и конца не видно ему. Все наши чувства и ощущения омертвели перед этой бедой. Сострадания боль жжет, как пламя в груди. Теперь не утихнет она никогда. Господи, дай нам силы преодолеть эту утрату! Скольких ты к себе забрал, но смириться с этим наше сознание и всё наше существо не в силах! Господи, укрепи наш дух, всели в нас мужество преодолеть эти мучительные минуты прощания с дорогим нам человеком! Дай нам силы пережить эти минуты душевного страдания. Прощай навеки, наш любимый человек!

Почему острота этой боли неповторима? Чувство этой боли настолько велико, что мы переживаем утрату - как маленькую смерть самого себя. Как будто ты сам умер, а тело по недоразумению заблудилось на Земле. Потерян смысл жизни и нет больше крыльев за плечами! Все люди переживают боль утраты по-разному, и нам кажется, что сильнее боли утраты не бывает. Она не похожа на физическую боль, её

мучительные последствия непредсказуемы. Примирение с этой трагедией невозможно, иначе против чего восставала душа? Невозможно полностью освободить внутренний мир и память человека от этой адской муки и душевной травмы. По мере того, как мы отдаляемся от даты смерти, постепенно осознаётся реальность утраты. Отсутствие близкого, родного человека ощущается всё острее, как будто пустота внутри не пройдёт никогда, а жизнь проходит мимо.

Пока не случилась беда и ты сам не пережил горечь безмерной утраты твоё сочувствие лишь поверхностное. Надо выйти за пределы созданных умом противоречий с самим собой, чтобы выразить истинное сострадание. Горе-песчинка, затерявшееся среди горя миллионов других людей, самой матерью Природой рассчитано на увеличение нашей силы сострадания и любви к другим людям.

То, что мы видим, как смерть уносит близких людей поражает нас сильнее, чем то, что нам известно о ней. Только религия прилагает большие усилия, чтобы вселить в нас надежду на вечную жизнь после смерти. Собственные мысли о смерти, чаще опасны, хотя с возрастом эти мысли являются её предвестниками. Наше осознание собственной неизбежной смерти значительно слабее переживаний по поводу утраты близких нам людей.

Почему человек смертен? Ведь согласно Библии, Бог создал человека по своему образу и подобию, но в отличие от Бога он смертен, и к тому же, живет значительно меньше срока, отпущенного самой природой. Это следствие первородного греха? Поколения и поколения ушли спустя тысячелетия и продолжают уходить, а мы даже не приблизились к разгадке этой тайны человечества.

Люди говорят, что там хорошо и все всем довольны. Ещё бы! Все попытки объяснить, почему «там» хорошо, при всех аргументах и разумности доводов и суждений оставляют больше вопросов, чем ответов, тем самым отдаляя нас от проблемы. Кому-то, наверное, помогают сомнительные утешения: «В назначенный нам час, мы тоже будем там и встретимся с ним».

Говорят, спасутся верующие, которые здесь, на земле соединились с Богом. Верующему ничего не страшно, он в Боге, а Бог в нём. Сколько замечательных слов и утешительных объяснений написаны мыслителями и богословами, а пропасть незнания только увеличилась. Это незнание – главная причина наших волнений. Мудрость и самообладание лишь поверхностная видимость, а внутри – беспокойство и тревога. Мысленно обращаясь к этой теме, мы только начинаем раздувать тревогу внутри себя.

Вдруг, совершенно отчётливо в голове Давида сверкнула мысль: «Это расставание временно, поскольку мы тоже подвержены времени». И совсем уж земное: «Как я теперь буду жить без него?» Боже! Какая пустота вокруг! Чем её наполнить? Жгучая, острая боль в груди сдавливала и душила, появилась неутолимая жажда, желание припасть губами к воде и пить, пить...

Давид не считал себя человеком чувствительным, часто плачущим или готовым заплакать в трудной жизненной ситуации. Но сердце его болело, а вся семья, теперь без деда Архипа страдала и скорбела. Для всех, теперь, он жив и где-то рядом. Душа его всегда жива, она всё знает и видит, как страдаем мы сейчас!

Нет таких слов, чтобы выразить всю боль и скорбь души нашей! Они замерли на устах и язык наш онемел. Мы теперь, всю оставшуюся жизнь должны хранить о нём память. Так устроена жизнь, так истари повелось, чтобы наша память о нём

всегда жила в нашем сердце. Чтобы память святая жила на земле. Это наш вековечный долг. Говорят же: «Вечная память!» А что вечно,- то свято! Печать вечности теперь навсегда отпечаталась на его имени, независимо от пользы его земных дел. Вечная, светлая память!

Лежит, гниёт в земле. Говорят, это переход в другой, - духовный мир, не осязаемый нами здесь, на Земле. Теперь, Давид ясно понял, есть другой мир, куда все уходят после смерти, и там дорогие друг другу люди снова встречаются. А пока надо жить! Даже в печали, но, не впадая в полное уныние. Там снова мы встретимся, но только тогда, когда выполним всё нам предназначенное на Земле.

Теперь распахнулись двери в вечность. Где душа живет вечно. В мир, ни кем никогда не видимый и не подтверждаемый. Все свидетельства о нём лишь косвенные. Все эти догадки из области психологических переживаний. Очень уж хочется человеку не умирать, а жить всегда, и продолжить свои дни и дела, несмотря на страдания и лишения. Пусть и не в этом мире, пусть не будет земных радостей, пусть без привычного синего неба и зеленой травы, без шума дождя и утренней прохлады, но всё же, хоть какая - то жизнь. Не может поверить человек в вечную смерть, также как не дано ему представить бесконечность, или конечность пространства или бытия. Не может поверить он, что превратиться в прах, в ничто. Такими уж природа нас создала, верующими в бессмертие. Эта надежда всю нашу жизнь, независимо от того, верим ли мы в Бога, или нет, тайно теплится в душе.

Нам, живым, остаётся вера в бессмертие, как продолжение существования после смерти. Не будем далее распалять себя вседозволенностью и свободой, а останемся в пределах естественного нравственного закона человечества.

Нам, живым, нужно верить, что и умершие, не лишены бытия. Теперь они рядом с Богом.

Ташлыкский базар

Англичане говорят: время деньги.

Русские говорили: жизнь копейка.

Пётр Вяземский

Чуть только забрезжил рассвет, Давид уже запрягал лошадей в небольшую деревянную повозку, нагруженную кукурузой еще с вечера. Несмотря на раннее утро, вся семья уже переполошилась, никто не спал, оглашая дом радостными возгласами и шумом. Провожали мужа, отца и дедушку, каждый, про себя втайне надеясь и предвкушая трепетное чувство, уже почти забытого волшебного слова, - «подарок». Ефимия, - жена Давида, уже неделю инструктировала мужа, как вести себя на базаре, чтобы не продешевить, остерегаться, пуще злой неволи цыганок, которых там видимо невидимо, а главное - что купить в дом и детям из одежды.

Свою репутацию неисправимо плутоватых и вороватых бродяг, цыгане приобрели, так и не вызвав доверия у селян состоящих из множества народностей. Ни один российский император, как ни старался, не сумел прикрепить это неугомное, вольнолюбивое племя к земле.

Но была ещё одна сторона у этого древнего, кочующего, романтического народа. Сторона, вызывающая противоречивые чувства. Они прекрасные танцоры, гитаристы, скрипачи и певцы. Сердце заходится от цыганских песен, мурашки по коже бегут от завораживающего голоса исходящего из самых глубин души и сердца, незаметно отступает суета привычных будней и мимолётность наших дней, пробуждая в нас самые светлые, добрые чувства.

В 1832 г. в Аккерманском уезде были основаны две земледельческие цыганские колонии, Фараоновка и Каир.²² Оба эти селения существуют до сих пор. Но ни сейчас, ни в стародавние времена цыгане не вписались в жизнь селян. Чувствуют они себя весьма вольготно. Образ жизни цыган не требует от них стремления к наукам и культуре.

В Ташлыке проживали несколько семей цыган, поэтому у Давида было сложено мнение о них.

Вечно грязные, неухоженные, чёрные, то ли, от грязи, то ли, от долгого пребывания на солнце, орущие, сопливые дети, одетые в любую погоду, на все случаи жизни. Цыганский двор, практически всегда без забора, или полуразваленной ограды, без ворот и калитки, всегда настезь, как будто говорил; «Заходи, здесь охранять нечего».

Их дома унылые, с обшарпанными стенами, покосившиеся от времени, десятилетиями не ремонтируемые, приютили в себе людей до полного своего разрушения. Никогда, цыгане не занимались ремонтом своего дома. Они заселялись в самые старые, непригодные для нормальной жизни, ожидающие сноса, или брошенные дома. Если дома покупались, то, - по самой низкой цене.

Никто, из соседей, или сельчан, не ходил к ним не то, что в гости, но даже за солью. Иметь соседей цыган – тяжкое бремя. Чтобы как то отгородиться от них, прекратить всякие отношения, односельчанам достаточно было узнать о цыганской традиции - бить окна.

Жили цыгане большими семьями, очень обособленно, шумно, в то же время скрыто и непонятно для соседей. Часто к ним навевались приезжие, неизвестно откуда и едут куда, соплеменники. Как они размещались в тесном доме, всегда оставалось загадкой. Сельским детям желавшим удовлетворить своё любопытство, иногда удавалось заглянуть в грязные окна своих таборных соседей. Перед их взором вставали кучи какого-то тряпья, разбитая мебель и повсеместная грязь!

Чем промышляли цыгане официально неизвестно. На какие средства жили цыгане, ведь они никогда не работают? Не было у них даже подсобного хозяйства или огорода, без чего немислима сельская жизнь для обычного крестьянина. Однако, точно известно, что они не пахали, не сеяли, домашнего скота, кроме лошадей не держали.

Но вся округа, всё село и весь белый свет знал, и твёрдо был уверен в том, что цыгане – мошенники, воры, плуты и аферисты! И выживают они за счёт ловкости рук, за счёт вероломства и воровства, т.е. способности вытягивать из вас деньги и всё что имеет ценность.

Но главное, способность цыганских женщин гипнотизировать своих жертв без предупреждения и согласия на свои действия. Мало, кто из людей может похвастаться тем, что избежал цыганского обмана. Но разве Давид мог исправить эту несправедливость, когда их видимо, не видимо было во всей округе.

У Давида голова шла кругом, шутка ли, такое ответственное дело, и в одиночку. За лошадьми присмотри, напои, накорми, да и повозку не с кем оставить, если понадобится на базаре отойти.

Утренняя прохлада незаметно растворялась в разгоравшемся дне. Столетние акации и крупные густые ветви грецких орехов вокруг хутора усеивались золотой листвой, которая опадая, образовывала целые ворохи в большом дворе. Двор был наполнен непередаваемым запахом листьев разных пород деревьев иссушенных нещадным дневным солнцем, а ранним утром, оросившиеся ночной влагой и, оттого этот запах становился ещё острее. Давид собирался на базар в Ташлык. В этом году он собрал отменный урожай кукурузы, и намеревался её продать, и купить пшеницу, и кое-какую одежду для детей.

Осень с её щедрыми дарами, особенно по утрам, напоминала ему про зиму, к которой следовало подготовиться. Еще летом, Давид с семьей, заготовили навозные кирпичи перемешанные с соломой и высушенные на солнце, для топки в большой печи. Однако ежегодный страх перед голодом и холодом, не давал ему покоя. В былые времена случалось, что им не хватало топлива на зиму и приходилось экономить, затапливая печь поближе к вечеру, чтобы ночь провести в тепле.

Уже начало подниматься солнце, когда Давид, наконец, выехал с хутора. Поудобней разместившись в повозке Давид крикнул: «Пошли родимые!» И даже для острастки стеганул по жилистому крупу серого ленивого мерина. Извилистая пыльная дорога вела под горку напрямиком к Ташлыку.

Проезжая мимо своих земель, с чувством радостного удовлетворения Давид оглядывал стройные ряды виноградника. Золотистые листья кустарников причудливо свисали вперемежку с зелёными, не оголившими еще полностью лозу. Запах земли, напоенной соком виноградника рассыпанного словно бусинки под каждым кустом, был неповторим осенью, и ежегодно, каждый раз по-новому, вызывал чувство трепета и хмельного озарения божественным даром.

Давид был неграмотен и как все безграмотные мужики он любил пофилософствовать, оставшись наедине с собой. Он любил ставить вопросы философского характера - о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о добре и зле, неправде и прочем. Ведь для рассуждения и размышления вопросы чаще важнее ответов. Никогда прежде он ничего не слышал о философах и кто они такие, ему было неизвестно. Давид любил всех людей, кто не ленится мыслить. С ними его объединяло не обязательное условие иметь образование. Если бы он знал, что философия представляет собой общий итог всего того, что ты знаешь и ценишь!

Ухабистая дорога, ведущая в Ташлык и чувство переполнявшее его гордостью хозяйского достоинства, вполне располагала на мечтательный лад. Сформулировав в уме все однажды услышанные от старых людей присказки и пословицы, он мысленно представлял, как он мудро и независимо будет вести себя на базаре поражая всех окружающих своим практическим умом. Однако все доморощенные философские постулаты, которые он помнил всегда наизусть, не строились в логическую цепочку.

Отгоняя от себя словно надоевшую муху романтическую мечтательность,

Давид озираясь по сторонам, пристыдил себя за тайную слабость к бесплодному резонерству не имеющего в этой жизни практического применения. Лошади неспешно тянули старенькую еще доставшуюся от его отца повозку, мерно поскрипывающую на ухабах. По сторонам дороги желтой от степной травы и высоких сиреневых головок бессарабской колочки не было ни души. Давид втайне надеялся, что выехав на центральную дорогу ведущую в Ташлык повстречает попутчиков. Но дорога была безмолвной и пустынной, даже птицы куда-то подевались. Первоначальное чувство удовлетворения возможностью поездки, сменилось непонятной и непостижимой тревогой, которой он не мог дать объяснения. Отдаляясь от дома, он почувствовал себя не в своей тарелке, и уже начинал волноваться, как они там без него, все ли будет сделано во время. Ему уже казалось, что он едет слишком долго и его одиночество на дороге - знак бесконечного пути. Задолго представляя, как он будет ехать на базар, Давид совсем не предполагал такой прозаический поворот события. Мысли путались, в голову лезла всякая чушь, настраивая его на какую-то фатальную бесперспективность.

Степь сменилась холмистой местностью сплошь покрытой серой пылью и огромными валунами из желтого ракушечника - следов разработки его предками карьеров для добычи и обработки камня. Его дальний родственник в Ташлыке вместо огорода имел собственный крохотный карьер, в котором трудился день и ночь, вытесывая из огромных глыб камня памятники-кресты и дымоходы, а также различные каменные фигурки для фронтонов домов состоятельных людей. Давид всегда чувствовал холодок родственника по отношению к нему, простому крестьянину с утра до поздней ночи, копавшегося в земле и не владеющего никаким ремеслом.

Родственника звали – Ефим. Это был маленький поджарый мужичок, который целыми днями терпеливо вбивал деревянные клинья в каменные расщелины, заливая их водой пока клинья, разбухнув не расколет скалу. Тогда он в одиночку, без посторонней помощи, орудуя ломом, кувалдой и парой деревяшек, из отколовшейся части скалы вытесывал огромные кресты. Размер памятников всецело зависел от размера глыбы. По хвастливому утверждению Ефима, на его участке камень был самым лучшим в Ташлыке. Он был каменщиком в третьем поколении, еще его дед начал раскапывать «скалу» на огороде, и Ефим за 20 лет работы не видел конца карьера, и, углубляясь в землю с каждым годом, говорил, что еще его сыновьям хватит работы махать кувалдой.

И все же Давид сейчас хотел встретиться с Ефимом на базаре. И как бывало раньше в шуме и гаме, в рядах, где продают овёс и пшеницу, выпить с ним по стакану терпкого, красного вина. Он сейчас готов был даже терпеливо сносить самодовольное, неистребимое хвастовство Ефима, о выгодной продаже очередного памятника. От мечтательных прогнозов надвигавшегося базарного дня, у Давида сладко засосало под ложечкой.

Вдали показались контуры едва видимых чернеющих мазанок, что находились на краю села, стремительно уходящего своими постройками в глубокую долину, и скрывающую центральную часть улиц.

Повозка подъезжала к окраине села. Невдалеке, позади Давида, показалась повозка, запряженная парой гнедых, которая быстро его догоняла, поднимая густые клубы пыли. В зелёной, раскрашенной неразборчивым красным вензелем повозке, уместилось семейство болгар. Впереди, горделиво приподняв вожжи, сидел сам

хозяин, - чернобровый, болгарин лет сорока, в черной шляпе и рубашке косоворотке, на суконных брюках перепоясанных огненно-красным поясом, едва виднелась белая цепочка от часов. Женщины одетые все в чёрном, сидели на тугих мешках позади хозяина, привычно лузгая семечки. Обдав Давида клубами серой пыли, повозка резво его обогнала, никак не приветствуя встретившегося попутчика.

И что - то в них все равно есть турецкое! Этот давний, старый стереотип, который он вынес из далекого детства, был отголоском то ли устной истории, то ли легенды об этом трудолюбивом и очень дружном между собой народе.

Давид точно знал, что это колонисты болгары, недавние переселенцы, весьма успешные и рачительные хозяева. Соседнее село процветало: сады и виноградники были одними из лучших в округе. Но ведь, поди ж, ты, у них на родине попытки к освобождению из под турецкого ига неоднократно делались, но они подавлялись довольно быстро и легко. Покорение Болгарии турками стало для неё длинным, темным и тяжелым периодом рабства. Только русские «братушки» в 1877 году освободили болгар от османского ига.

Очень озлоблены были турки против болгар, и даже прозвали их райи, что по – арабски, значит стадо. После нашествия в Болгарию этих полудиких азиатов целые области были обращены в пустыню. Множества народа укрылось в Валахии и Бессарабии. Притеснять, мучить, и даже убивать болгар не считалось для турок ни грехом, ни преступлением. При встрече с турком болгарин должен был сойти с коня и ожидать с поклоном пока тот проедет. Ну, а если приходилось въезжать в город или селение, в котором жили турки, болгарин был обязан сойти с коня и затем идти, ведя его за узду. Поди ж, ты, как вольнолюбие вскружило голову! Но ведь он, как и я, совсем другое поколение. Христианам запрещалось носить красный и зеленый цвета и вообще приближаться видом одежды к мусульманам. Видно дед не рассказывал ему о поруганных правах своего народа. Когда-то под влиянием долгого угнетения характер болгар из воинственного и энергетического превратился в покорный и даже нерешительный.

Нет, этот, как говорят в Ташлыке, наверное, носит фамилию *Чорбаджи*, как рассказывали старики, это прозвище давали разбогатевшим болгарам, которые помогали туркам угнетать своих соотечественников. Доставалось им часто и от местных гайдуков, которые мстя своим мучителям, часто не забывали и о них. Давид поймал себя на мысли, что он если не злословит, то, наверное, что еще хуже, завидует этому жизнерадостному хозяину, у которого дома пропасть детей.

Натягивая вожжи, что есть силы, Давид съезжал по дороге в село ведущей вниз с горы. Он уже подумывал, а не слезть ли ему с повозки, и, поддерживая уже хрипящих лошадей, облегчить им долю от напиравшего тяжелого груза. Ему стало как то не по себе, и переборов чувство жалости и хозяйской скабрзности, он, скрипя зубами и даже вспотев от натуги, все же не слез с повозки, продемонстрировав таким образом, молодецкую удаль и достоинство крепкого хозяина.

Впереди предстоял равно такого же огромного размера, как и спуск, подъём. Опыт и крестьянский практицизм подсказывал Давиду, что на этот раз ему следует слезть с повозки, и только перед базаром въехать на повозке.

Уже въезжая в ворота огромного шумящего как улей базара, Давид оставил позади все комплексы и сомнения, связанные с возможностями и достоинствами его лошадей, изрядно уставшими, и все время недовольно фыркающими.

На большой ровной площади невдалеке от церкви расположилось это торговое место; дни торга назывались базарными днями, которые происходили еженедельно. Кроме того, он служил местом собрания для лавочников, и окрестных селян выносящих на продажу сельскохозяйственные продукты, скот, птицу, свиней и предметы мелкого ремесленного производства, а также центром, куда стекаются все

свежие политические и местные новости, обсуждаемые здешним населением с такой свободой речи, как нигде. Базар в Ташлыке состоял из многих больших проходов или дощатых прилавков, часто привлекающих массу гуляющего свободного народа. Одним из самых многолюдных и красочных базаров в уезде считался Ташлыкский, а самый большой - в Аккермане.

В отблесках лучей раннего солнца нестройные ряды повозок, крики и гам людей, визжание поросят и мычание коров, казались необъяснимым и бестолковым хаосом, оглушавших всех и вся. Щурясь от утреннего солнца, Давид подъехал к самому дальнему углу базара. Место не самое проходное, но выбора не было. Распрягая уже лошадей, он заметил про себя, что базар в этом году изобилует всем, в том числе и его товаром: кукуруза стоила значительно дешевле, чем он мог предполагать.

Волнуясь и торопя надвигавшийся момент торговли, Давид поспешно надел на шею лошадям мешки с овсом, и стал поджидать покупателя. Первоначальные планы Давида, составленные вместе с женой тихими вечерами на хуторе, рухнули в первую же минуту, когда первый же покупатель назвал цену. Почему-то Давид решил не торговаться как прежде. Желание изменить ситуацию себе на пользу, неожиданно для себя сменилось непрактичным, беспечным желанием быстро продать, во что бы то ни стало, свой товар. Где-то на третьем покупателе Давид уступил всю кукурузу за пол - цены, от суммы денег намеченной ранее дома с женой,

Завернув деньги в носовой платочек, Давид перепоручил соседу по ряду присмотреть за лошадьми, а сам направился к рядам, где торговали одеждой.

В глазах рябило от цветастых женских платков, развешенных на веревках. Давид в первый момент растерялся, чего здесь только не было, рубашки, чулки, шляпы, постолы из бычьей кожи, и настоящие сапоги на любой вкус. Не будучи знатоком всей этой модной мануфактуры, Давид решил обойти еще раз ряды. Пройдя несколько рядов, Давид уже почти у противоположного выезда базара обратил внимание, на оживленную толпу мужиков, собравшуюся возле огромной бочки с вином, и тут же на прилавках выпивающих из больших граненых стаканов рубиновый напиток.

Его как будто в спину кто-то толкнул. Он подошел к бочке. Смех и мужская бравада, энергично и убедительно доказывающая своему соседу брэнность и зыбкость жития, словно поглотила его. Простота и непринужденность в общении, уже после первого выпитого стакана обратила Давида в одного из самых солидарных и доступных товарищей, участвовавшего в громком и ничем не обремененном общем братании. Жизненный провал между прошлым и настоящим застыл на целую вечность, она закончиться должна была тяжелым, необычным пробуждением, которого еще не было в его жизни...

Судьба и жизнь его была распята на двух осях «прошлое-настоящее», лишив себя навеки будущего...

Очнулся Давид лежащим на соломе, в повозке. Над головой было звездное небо, звуки цикад и вокруг крошечная чернота южной ночи. Повозка Давида стояла где - то в чистом поле. В голове стоял тупой шум. Как он очутился в своей повозке? Где он сейчас? И., деньги! Он судорожно полез в подкладку пиджака в поисках платочка, в который заворачивал деньги. Платочка не было... Хмель как рукой сняло. Он вскочил и, разрывая солому дрожащими руками, несколько раз прополз по самому днищу повозки. Безуспешно. Платочек с деньгами исчез. Его стошнило. Хотелось кричать. Во рту пересохло, и вместо звука вышло какое-то хрипение. Он беззвучно заплакал, опустившись на колени, и ничком уткнувшись лицом в прелую солому.

Прошла целая вечность затмения и ненужности в этом мире, прежде чем он вяло стеганул лошадей обращенных по направлению к дому.

Подъезжая к хутору, он заметил свет от керосиновой лампы в двух окнах просторной горницы. Большую из зеленого стекла керосиновую лампу, висящую под потолком, обычно зажигали только по большим праздникам. У Давида не было сил, ни тем более желания, возмутиться, ни каким-либо другим образом объяснить этот неординарный факт. Чувство тревоги смешанное с бессильным чувством детской вины и безысходности, вконец повергло его в шоковое состояние. Он не был в состоянии оценить происшедшее, просто ехал в сторону дома, словно на плаху.

Было очень раннее утро, вдали на самом конце горизонта сквозь темные ребристые облака, еле, еле, пробивался багровый рассвет. В доме никто не спал, с тревогой и недобрим предчувствием ждали хозяина, перегадав все известные только им одним случаи разбоя, и трагические варианты пропажи людей.

Давид незаметно для себя въехал во двор. Его никто не встречал, только огромный мохнатый пес, по кличке «Карпо», виляя хвостом, беззвучно уткнулся носом в его смазанные салом сапоги, преданно глядя хозяину в глаза,

Семья, видимо утомленная ожиданием, и занятая бесконечными догадками о столь запоздалом отсутствии хозяина, терпеливо переживала разрешение судьбы, по любому обстоятельству; не заметила возвращения кормильца.

Он долго еще возился с упряжей, наконец, отвёл лошадей в конюшню, задал им корма и тихонечко поднялся на чердак дома. В пульсирующем шуме хмельной головы Давида, настойчиво засела мысль о невозможности жить вместе с последствиями своих ошибок. Сняв поясной ремень и перекинув его через перекладину, связывающую крышу, затянул петлю на шее...

Через маленькое окошко на фронтоне дома пробивались первые золотистые лучи нового дня.

Послесловие

*Ваше время ограничено, не тратьте его,
живя другой жизнью. Не попадайтесь на крючок
вероучения, которое существует на мышлении
других людей. Не позволяйте взглядам других
заглушить свой собственный внутренний голос.
И очень важно иметь мужество следовать
своему сердцу и интуиции. Они, так или иначе,
уже знают, что вы действительно хотите сделать.
Всё остальное - второстепенно.*
Стив Джобс

Современный быт, культура все же сохранили черты описываемых нами дней и событий. Эта незримая нить связывает прошлое с настоящим, даже со всеми новациями.

Сегодняшний день - это другая ирреальность, с точки зрения официальной науки, это то, чего «не может быть, потому что этого не может быть никогда», тем ни менее она существует и рассматривается как основная угроза современного мира.

Раннее утро, вокруг ещё темно. Это тот самый утренний час, когда сохраняются минуты благостной тишины перед сельской какофонией всеобщего пробуждения.

Непривычная для горожанина безмятежность не успокаивает, а только волнует. Волнует своей недосказанностью и безмолвием тишины. Время как будто остановилось. Если хочешь ощутить прикосновение вечности, то оно именно здесь. Думалось о том, что собственно восприятие окружающего тебя мира: природы и людей беспокоит особенно остро, когда ты не имеешь возможности не замечать этого, т.е. редко бываешь в краю, где родился и вырос. Человек, лишённый возможности ежедневно дышать воздухом родины и ощущать её живительную энергетику, за редким исключением признается в своём дальнем благополучии, что ему чего-то не хватает.

Вот такие земные мысли одолевали меня в этом коротком миге утра, который длится для каждого человека неодинаково по времени. Это зависит от состояния души. От её нетерпеливого ожидания времени. Как известно, его измерение весьма условно.

Некогда бескрайние виноградники, холмы, поля и рощи радовали глаз и щедро кормили человека на протяжении десятилетий, а сады, где растет грецкий орех, источают тот же самый неповторимый аромат, что и во времена детства. В волшебном свете бессарабского дня вдохновенные откровения моих родителей и близких, снизошли на меня из далекого прошлого, живо и внятно, игнорируя время как условность.

Пурпурно-розовый свет заходящего солнца омывал стены родного дома и нежно целовал черепичные крыши соседних домов. Во дворе витает легкое облачко приятного аромата жареного болгарского перца, который благоухал, создавая особое настроение и ассоциации. Последний тост и выпитый нами глоток вина - как опьяняющий нектар души. И отчаянная попытка отдалить мгновения, когда вынужден буду, бросить прощальный взгляд на этот двор, сад, виноградник и улицу полную звуков и запахов.

Сквозь толщу пяти десятилетий в меня, казалось, проникла ни с чем несравнимая сила, которая исходит от величайшего учителя мудрости – родины; и эта благодать пробудила во мне росток нового возрождения, прилив смирения и благодарности.

Даже спустя годы становится совершенно очевидным, что чувства, впечатления и подмеченная красота людей, запахи, краски окружающей природы, где-то на подсознательном уровне всегда с нами. Это единственное место на земле, полное всяческой задушевности, где обычное состояние духа все более сближается с состоянием возвышенным. Эта впечатлительность исходит из истоков, которые дают нам силы и волю к достижению любой цели в жизни. Она рождает гордость и вдохновенную радость в минуты откровения, когда мы отваживаемся так искренне признаваться в любви к своей родине.

Автор изначально ставил перед собой целью подкрепить легенду некоторыми документальными свидетельствами. Даже то ничтожно малое количество документов, что мы приводим, оказалось достаточным, чтобы подтвердить правдоподобность версии событий. Но поскольку подтверждение версии не носит окончательного характера, авторские отступления призваны расширить художественное пространство.

Талантливая рассказчица, энергетикой своей души превращала в чудо обыденные явления: шорох ветра, свежесть утра, закат, сливающийся с радужными красками горизонта, дождь в окошко, косыми линиями отображающий свои грустные слезинки...

Вот я и решил написать эту историю, чтобы развеять все лживые наветы и передать суждения героев такими глубокими, какими могла передать своим языком простая крестьянская женщина.

2004-2017 гг. Каменское-Москва

Михайличенко Николай